

СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ
ЗАЩИТЫ МИРА

ВЕК XX И МИР

EL SIGLO XX Y LA PAZ

DAS 20. JAHRHUNDERT UND DER FRIEDEN

В НОМЕРЕ:

ЗВЕРЬ ОЖИВАЕТ

Национализм против личности

ОТ ГЛАСНОСТИ К СВОБОДЕ СЛОВА

Независимость — это на уик-энд в Вену

ПОДАЙТЕ НА ТРАГЕДИЮ!

Советский человек как объект
сострадания

ISSN 0320 8001

10/90

IGOR SMIRNOW

В НОМЕРЕ:

Почта

«УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ...»

Страна в движении

Г. ШУРМАК. Я, РУССКИЙ ЕВРЕЙ...
Б. ЕРАСОВ. ДОЖДЕМСЯ ЛИ МЫ РУССКОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ?

Актуальная тема

А. МИХНИК. НАЦИОНАЛИЗМ: ЧУДОВИЩЕ
ПРОБУЖДАЕТСЯ
А. КИБРИК. ЛОЖЬ «НАЦИОНАЛЬНЫХ РОДИН»

Научная публицистика

Л. БЫЗОВ, А. ГУЗАНОВА, Н. ЛАДЕНКОВ. БЛАГОТВО-
РИТЕЛЬНОСТЬ: РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ
С. КОРДОНСКИЙ. СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК КАК
ОБЪЕКТ СОСТРАДАНИЯ

Свобода слова

В. ОРЛОВ. НЕЗАВИСИМОСТЬ — ЭТО НА УИК-ЭНД
В ВЕНУ...
К. ЛИЙВА. ВСЕ БОЛЕЕ СУВЕРЕННЫ РЕСПУБЛИ-
КИ, ВСЕ МЕНЕЕ — ЛИЧНОСТИ

Эссе

Э. БЕРДЖЕС. ДЕМОКРАТИЯ И НАСИЛИЕ

Наши интервью

А. АРСЕНЬЕВ. ДО ОСНОВАНЬЯ — А ЗАЧЕМ?..

На наших обложках: рисунки Игоря Смирнова (Москва)

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

«Уважаемая редакция...»

Спасите наши души

«Мне страшно. Чувство безысходности не покидает меня. Мой страх никто не понимает и, похоже, не может понять»,—эти слова не мои, их написала на радио девочка. Боль, отчаяние, томящая отчужденность от людей. Сплошная пелена непонимания. С чего бы это? «Мой отчим—еврей, у меня и моего брата еврейские фамилии. Родители говорят, что если начнется травля евреев, то мы уедем из страны. Мне страшно не за себя, я русская, боязно за брата, за семью. Что мне делать? Ведь уехать-то я не смогу, ни дня не могу себе представить без своего родного дома...»

Ну, что здесь скажешь? Человеческая трагедия, сотворенная людьми против им же подобных. Вот бы где вспомнить Чингиза Айтматова, его незабываемую «Плаху». Я иногда думаю, что же это произошло с нашей страной, отчего один способен растерзать другого только за то, что у него иная национальность? Нам же твердили: «Пятнадцать республик—пятнадцать сестер!» А сегодня, что называется, брат на брата войной, не-

нависть, жестокость, насилие. Куда же дальше? Тупик...

Мы растоптали и забыли все христианские истины. Самое страшное из всего, что могло произойти. Как тут не вспомнить слова Алеся Адамовича: «И главное, что произошло в мире людей,—это то, что понятия «убить человека» и «убить человечество» опасно сблизилось». «Не убий»—библейская заповедь, нарушение которой во все века считалось смертным грехом. «Страна, проклятая самим Богом»,—а это уже из кинофильма «Так жить нельзя». Проклятая за что? А может за нарушение еще одной истины «возлюби ближнего своего... и врага своего»? Да, мы разучились любить других. Многие вздохнут: «До любви ль нам сегодня?» И тем не менее, любить—значит переживать за другого. Именно такая любовь истинно христианская. Может быть, все наши распри и раздоры от того, что любовь утратила свое первоначальное назначение?

Елена МАХАНОВА,
г. Москва.

Инакомыслящий

3 июня в Ленинграде на Дворцовой площади, где шел митинг памяти погибших в Новочеркасске, я увидел сцену, глубоко меня поразившую. Среди трехцветных знамен мелькнул красный флаг! Подойдя поближе я

увидел мужчину лет сорока со скорбно и терпеливо сжатыми губами.

На трибуне, расположившейся у подножия Александрейского столпа, возникло короткое замешательство. Затем к микрофону вышел оратор с

повязкой на руке и начал клеймить держащего красный флаг.

Чего только он не говорил! И то, что это провокатор КГБ, и что это... просто «больной человек», «социально опасный для окружающих», и что он оскорбляет своим присутствием память погибших в Новочеркасске. Кстати, когда была объявлена минута молчания, красный флаг был приспущен вместе с другими.

А толпа в это время скандировала: «По-зор! По-зор!» Я подошел к трибуне и попросил слова. Мне казалось, что я вижу кошмарный сон, пародию на демократию.

— Вы от какой организации? — деловито поинтересовался человек с повязкой на руке.

— Я сам от себя.

— У нас выступают только представители от организации.

— Простите, а от какой организации выступали вы, когда утверждали три минуты назад, что в толпе находится психически больной человек и его следует изолировать?

— Я?.. Я — член оргкомитета. Не мешайте проводить митинг. Отойдите от микрофона.

Сто пятьдесят лет тому назад Алексис де Токвиль писал об особом роде деспотизма в демократии — власти общественного мнения, подавляющей непопулярные взгляды. «Авторитет монарха — чисто физический, он контролирует дела поддан-

ных, не подчиняя их мыслей, но у большинства — власть физическая и моральная; она подавляет не только бунт, но и несогласие».

Не с этого ли начинается тоталитаризм, который в отличие от авторитаризма посягает на интимные стороны сознания человека?..

Я шел с этого митинга, на котором рефреном звучал пятидесятилетней давности — «По-зор!», и думал о природе **инакомыслия**.

В семидесятые годы критическое осмысление советской действительности и советской истории требовало не только нравственных, но и интеллектуальных усилий. Сегодня многое из того, что вчера было подпольным, открыто: Солженицын, Авторханов, Оруэлл... Возник парадокс: инакомыслие, которое по своей природе может быть только **прерогативой меньшинства**, вдруг превратилось в агитпроп. Вчерашнее массовое советское сознание неожиданным образом трансформировалось в **массовый антикоммунизм**, имеющий абсолютно идентичный психологический знаменатель. Защитники традиционных ценностей оказались в меньшинстве, и мы видим сегодня, как меньшинство опять подавляется «агрессивно послушным большинством».

Андрей НОВИКОВ,
г. Рыбинск.

«Без паники»

Скоро год, как в Москве, 5 декабря 1989 года, ушла в лучший мир адвокат Софья Васильевна Калистратова.

Адвокат? Нет, эпоха 60—80-х годов. Все лучшее, что было в правозащитном движении, воплотила в себе Софья Васильевна. Какой она адвокат — говорить не буду. Достаточно фразы, сказанной в ее адрес: «Если бы в адвокатуре не было Калистратовой, это значило бы, что там нет мужчин». Софья Васильевна была другом не только своих подзащитных, но и

их семей. Это она помогала матерям и женам стоять и выстаивать в этой борьбе. А для нашей семьи, семьи Григоренко, она стала родным человеком.

В 1969 году, в мае месяце, мой муж — Петр Григорьевич Григоренко — выехал в Ташкент по просьбе тысяч крымских татар с тем, чтобы выступить на судебном процессе по делу крымских татар в качестве общественного защитника. Ступив на ташкентскую землю, он был тут же аре-

станов. Софья Васильевна немедленно принялась за дело. Первое, что она потребовала, — перевести мужа в Москву.

Потом от крымских татар мы узнали, что муж объявил голодовку. Обсудив с Софьей Васильевной создавшееся положение, они решили уговорить его отказаться от голодовки, учитывая возраст, болезни и второе заключение. Но как это сделать? Он находился за три тысячи километров от нас. Софья Васильевна решительно встала и сказала: «Я еду. Я его адвокат, добыюсь свидания». И она тут же вылетела. Спустя пять дней, вернувшись из Ташкента и придя ко мне, сказала: «Порядок», — и шепнула: «Проводите меня» (знала, что квартира прослушивается). На улице Софья Васильевна толкнула мне за борт пальто сверток с наказом: «Идите, читайте».

Читала письмо, и пол уходил из-под ног, так как муж писал, что под видом «кормления» его избивают, особенно один опричник старается душить. Боль за мужа, негодование сменились страхом за Софью Васильевну. Встретила меня Софья Васильевна с улыбкой и со словами: «Без паники». Заикаясь, говорю: «А вы? А вы?» — «А что я? Где у них улики против меня? А теперь — ваша работа, и мой свидетель — вы. А вы — крепень и знаете, что надо делать». Помчалась с письмом к Татьяне Великановой. Вытащив на улицу, рассказала, в чем дело. Но даже Татьяна не сказала, кто вручил мне письмо. А она — умница — и не спрашивала. Кому-то звонила, а дальше повела меня в какой-то дом (адреса не помню). Вооружившись копиркой и бумагой, Таня и приглашенные девушки сели за работу. Письмо было на восемнадцати страницах: когда оно было пущено в самиздат, оно называлось «Короткая хроника».

Мы с сыном Андреем собрали на дому пресс-конференцию. Было двенадцать корреспондентов и друзья. Во время чтения документа на их строгих и сосредоточенных лицах было возмущение. Каждый корреспондент, получив документ на руки,

пустил его в свет. Спустя три дня последовали вызовы наших друзей, но те ничего не могли сказать, так как действительно не знали источника. Вызывали и меня, ну, а с меня «взятки гладки». При всех вызовах я всегда говорила только одну фразу: «Одного мужа убили, выпустите другого». Вызов закончился тем, что мне пригрозили «изменить жилплощадь». Но овладевшая мною священная ярость освобождала меня от страха...

В итоге муж оказался дома. После этого я спросила Софью Васильевну: «Ну, а если бы вас уличили, что бы вам было?» А она, мило улыбаясь, ответила: «Ничего. Лишили бы адвокатуры и арестовали». Без страха и сомнения за свободу других она могла заплатить собственной свободой. И итоге она стала членом московской Хельсинкской группы.

За восемь месяцев до смерти, в интервью газете «Московские новости» Софья Васильевна сказала: «Если бы мне тогда предложили выбор «Запад или Восток», я бы выбрала Восток, то есть «в несчастье я с моим народом». Немолодая, с большими семейными заботами, она никогда никому не отказывала в помощи. И даже больше: старалась наблюдать, на кого КГБ готовит петлю, и тут же встать рядом.

Заканчиваю словами Рылеева:

«Подвиг воина гигантский,
И стыд сраженных им врагов,
В суде ума, в суде веков — ничто
Пред доблестью гражданского».

Склоняем головы перед Софьей Васильевной с болью в сердце, с памятью на всю жизнь.

Зинаида ГРИГОРЕНКО,
сыны — Андрей и
Олег ГРИГОРЕНКО.
Так же любим и скорбим:
Микола РУДЕНКО и
Раиса РУДЕНКО,
Мария ПЕТРЕНКО и
ПОДЪЯПОЛЬСКИЕ,
Татьяна ОСИПОВА,
Иван КОВАЛЕВ.
г. Нью-Йорк,
США.

Я, РУССКИЙ ЕВРЕЙ...

Григорий ШУРМАК,
г. Москва

Во «внутренней» рецензии на мою повесть «Нас время учило» Главпур в апреле 1985 года писал: «Совершенно неоправданно автор сосредоточивает внимание, и неоднократно, на несуществующем в нашем обществе «еврейском вопросе». Но в год опубликования повести (1989-й, спустя четверть века после ее создания) уже разгорелись страсти вокруг «Русофобии» Шафаревича с его, заимствованной у французского историка Кашена, концепцией «Малого народа», противостоящего в кризисные периоды жизни страны «Большому народу», то есть основной массе населения. По сей день то тут, то там слышны голоса, утверждающие, что русская революция — дело рук евреев, сумевших сыграть в революционном движении ведущую роль.

Тем не менее, общеизвестно: среди декабристов, этих первых революционеров, затесался лишь один еврей. В 50—60-е годы о происках евреев также не приходится говорить. Да и в 70-е Достоевский в романе «Бесы» не мог себе позволить вывести «беса» — еврея. Впрочем, проживи великий писатель несколькими месяцами дольше, и он узнал бы, что в подготовке убийства царя-Освободителя активное участие приняла Геся Гельфман, «инородка»...

Откуда вообще взялись евреи в России? На просторах восточно-европейской равнины их отдельные

общины проживали еще до создания Киевской Руси на Днепре, еще до возвышения Московского княжества на Волге, в Булгарском и Хазарском государствах. Большая часть еврейства, однако, была «приобретена» Россией в XVIII веке в результате раздела Польши и присоединения Балтийских земель. Именно там, между Бугом и Вислой, уже в течение нескольких веков обитали ашкинази. Оказавшись не по своей воле подданными Российской империи, они, евреи, постепенно смешались на восток. В местечках «черты оседлости» постепенно сложилась национальная культура восточно-европейского еврейства, расцвел идиш. И если уж придерживаться концепции «Малого» и «Большого» народов, то надо быть последовательным до конца и признать: еврейская молодежь, выдвигавшаяся в первые ряды революционного движения, сама-то вышла из недр «Большого народа» своей нации. Из ее восточно-европейской ветви. Объединяясь в различные левые партии с единомышленниками из числа грузин, латышей, украинцев, русских, еврейские юноши и девушки в то же время как бы образовали самостоятельную оппозицию («Малый народ») по отношению к миллионам соплеменников, живших по законам Торы и Талмуда, — этой, по мнению Владимира Соловьева, «крепкой ограде еврейства», обеспечившей на многие века религиозно-

национального сохранение этноса.

В известном смысле еврейские революционеры, столь активно способствовавшие свержению царизма, установлению на одной шестой земшара «диктатуры пролетариата» (реакцией на которую и явился фашизм), сами содействовали созданию условий, приведших к «новому порядку» Гитлера в Европе, к умерщвлению в газовых печах и рвах Бабьих яров шести миллионов соплеменников.* Спрашивается, где же тут еврейская сверхзадача, где заговор и тому подобные козни «сионских мудрецов», если в середине нынешнего века европейское еврейство потерпело крах?

Как и все народы Российской империи, ашкинази жили благочестивой жизнью: греша, но и стремясь замолить грехи и впредь добро не поступать. Жили в страхе Божием. Не среди ашкинази крепили ассимиляторские настроения. Переход еврея в христианскую веру давал возможность ему вырваться за пределы «черты оседлости», проявить себя на разных поприщах российской действительности: в литературе и искусстве, медицине, судопроизводстве... Среди дворянства Империи было 0,5 процентов евреев. Последний протопресвитер царской армии — еврей. Но одна часть еврейской молодежи поддавалась соблазнам революционной борьбы, отшатнулась от Бога и фактически рвала духовные связи со своим «Большим народом», другая же часть молодых ашкинази, сделавшись врачами, инженерами, купцами, учеными, чиновниками, образовала весьма внушительный слой созидательных работников Отечества. При этом,

* Так же, как фашисты, этот «Малый народ» Германии, справившись с соперничающим «Малым народом» — коммунистами, привели свой «Большой народ» к национальной катастрофе.

разумеется, они исходили из убеждения, что интересы «Большого народа» еврейства полностью совпадают с интересами «Большого народа» всех трех славянских наций Российской Империи. Если Троцким и Урицким нужны были «великие потрясения», то Франкам и Гершензонам — великая Россия.

Тысячи евреев — садоводов, агрономов, врачей, химиков, естествоиспытателей, купцов, инженеров, техников, книгоиздателей, адвокатов, мастеровых — трудились, не покладая рук, во имя России — своей родины, ее благоденствия.

Те, кто полагают, что революция совершилась под воздействием еврейских левых, деструктивных сил, замалчивают неоспоримое: в русской революции столкнулись несколько социалистических партий. Если в руководящее ядро большевиков входили Зиновьев, Каменев, Свердлов, то у руля других левых партий стояли Павел Аксельрод, Абрам Гоц, Юлий Мартов (Цедербаум), Федор Дан (Гурвич) — все они боролись за демократическое устройство России, покоящееся на началах здравого смысла. Когда, скажем, Временное правительство Керенского, русское по своему составу, спасовало перед большевиками, то не кто иной, как эсер Гоц, избранный на Первом съезде Советов в 1917 году председателем ВЦИК, потребовал от министров решительных действий, предлагал помощь, а после Октября стал членом «Комитета спасения родины и революции»... Прав Г. Федотов, полагавший, что русские реакционеры извращают историческую перспективу, «делая еврейство соблазнителем невинных русских юношей». Вольно было этим юношам идти за Троцким вместо того, чтобы следовать, например, за Мартовым, в юности другом Ленина! Или же вообще послать всех еврейских идеологов куда-нибудь подальше...

Подобно тому, как русскую нацию не характеризуют имена «своих» экстремистов всех оттенков, еврейскую нацию характеризуют совсем иные имена, нежели Троцкий или Урицкий. Кстати, о последнем: председатель Петроградской Чка пал от руки еврейского юноши Леонида Каннегисера. Друг Сергея Есенина, Каннегисер в дни разгула красного террора полагал, что именно он должен застрелить Урицкого и тем самым показать гражданам России, на чьей стороне симпатии русского еврейства...

В 1924 году в Берлине был издан сборник «Россия и Евреи». Его составители предупреждали своих соплеменников о неизбежном возмездии. Г. Ландау, Д. Пасманник, Б. Бикерман и другие еврейские деятели первой волны российской эмиграции в своем сборнике предсказывали, что со временем российская почва растворит в себе без следа идеологию, «которой вы теперь служите». Описав ужасы, пережитые евреями в гражданской войне, авторы сборника с горечью констатировали: «Евреи никогда не были у власти. Теперь еврей во всех углах и ступенях власти. Русский человек видит его и во главе первопрестольной Москвы, и во главе Невской столицы, и во главе Красной Армии. Русский человек видит теперь еврея и судьей и палачом».

Там же Д. Линский писал: «Множество русских молятся о спасении Родины. Кто истинно молится, тот взывает Святую Русь, несовместимую с молитвой о гибели невинных людей. Господь вернет нам отечество, Россию, родину и русских и евреев. Но мы должны, евреи и не евреи, основательно очиститься перед тем как вернуться в отчий дом».

Воистину так! Но очиститься — значит, покаяться. Всем! И пусть мы, евреи, покаемся первыми: хотя мы, действительно, живем на земле пред-

ков, но ведь это же Русская земля... В первую четверть века, в судьбоносные для России времена, нам следовало бы проявить величайшую осмотрительность, такт по отношению к хозяевам — народу этой страны. У многих евреев закружились головы от обретенного равноправия, от созерцания своих соплеменников на высших постах в партии и в правительстве. Нахлынув в города, мы быстрее других приспособились к жизни в условиях идеологизированного государства, стали опорой режима.

Мне, как и моим друзьям-евреям, было стыдно наблюдать и до войны и после, вплоть до конца сороковых годов, за прилавками магазинов, в снабженческих организациях (в обстановке нехваток) явный переизбыток еврейских лиц. Причем нас не успокаивал аргумент Н. Бердяева насчет того, что «у обвинителя чувствуется желание самим спекулировать более успешно, чем спекулируют евреи». Потому что в России (на Украине, в Белоруссии) с нас, евреев, спрос больше. Зато как мы радовались, когда еврейская молодежь принципиально стала избегать «сферы обслуживания населения» как места приложения своих сил! С любовью, с надеждой гляжу на нынешних молодых евреев, приступивших к возрождению своих национально-культурных очагов на земле, обильно политой кровью их предков.

Согласно Шафаревичу (или тому же Кашену), понятие «Малый народ» несет в себе отрицательный заряд. Но Библия устами пророков говорит о другом «Малом народе», называя его «Святым остатком». На всех извилах истории еврейского народа, когда он впадал в грех язычества, идолопоклонства, сохранялись люди, верные Единобожию, Храму. «Святой остаток», «Малый народ» в конце концов неизменно выводил соплеменников на путь истины. В страшные годы

сталинщины, в годы брежневского застоя в стране исподволь складывался «Малый народ», также несущий в себе положительный заряд. Заряд диссидентства, инакомыслия, протеста. Я горжусь, что в движении морального сопротивления, в этом «Малом народе» насчитывалось немало евреев. В процентном соотношении, вероятно, не меньше, чем было евреев в РКП(б). Л. Богораз, А. Гинзбург, А. Подробинек, С. Глузман, М. Ланда, Г. Ямпольский, Ю. Шиханович — вот имена, которые сразу приходят на ум. Евреи — участники демократического движения, активисты рели-

гиозного возрождения (в том числе христианского) показали себя достойными сыновьями и дочерьми матери-России, сыновьями и дочерьми русского еврейства.

Слава Богу, вот уже пошел пятый десяток с тех пор, как в высших эшелонах власти нет евреев. Восточно-европейское еврейство снова обретет себя только на путях служения Отчеству (России, Украине, Латвии...), при этом не умаляя свою причастность к культурно-историческим ценностям собственного народа, его корням.

ДОЖДЕМСЯ ЛИ МЫ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ?

Борис ЕРАСОВ,
востоковед,
г. Москва

Зазвучавшее у нас в последние годы заманчивое слово «цивилизация» употребляется пока в очень размытом и неопределенном смысле. Оно адресовано зачастую к обществу с развитыми рыночными отношениями, городским устройством жизни и эффективным сельским хозяйством, гражданскими свободами, открытостью всему новому и т. д. В общем, это как бы позитивная модель западного об-

щества за вычетом его негативных сторон — как и в каждой модели. Но цивилизация отнюдь не сводится к внешним проявлениям. Существует устойчивый базис, **сверхначало**, придающее цивилизации определенность и целостность при всем ее своеобразии. Это сверхначало называется «высокой культурой». В пространстве цивилизации последовательный сторонник марксовской теории формаций

чувствует себя, как Алиса в Зазеркалье: казалось бы, здесь те же самые персонажи (то есть социальные компоненты, хозяйство, политика, классы, культура), но они действуют по совсем другим правилам. И даже время может останавливаться и идти обратно, а то и вернуться к той же точке отсчета.

Культура в самом общем смысле слова, в ее ценностно-смысловых компонентах составляет исходную предпосылку и основу всякой цивилизации, и «материалистическое понимание истории» никак не устраняет значения духовных принципов бытия, которые пронизывают все поведение людей в различных сферах, в том числе в хозяйственной практике, социальных отношениях и политике. Цивилизация создает нормы и принципы поведения, которые при всей их дифференцированности имеют общее значение для всех социальных и культурных групп и удерживают их в рамках единого целого.

Но каково же наше место в ряду цивилизаций? В делении мира на Запад и Восток мы занимаем еще не самое «восточное» место и должны определить себя еще и по отношению к различным культурно-историческим регионам «остального» Востока: исламскому, индийскому, дальневосточному.

Всем известны, хотя бы и поверхностно, происходившие на протяжении всего XIX-начала XX веков споры о культурной причастности России Западу или Востоку и наличии у нее своей особой «статус». Споры эти в своей сумме показали фундаментальную неорганичность России — даже если рассматривать лишь «русскую» Россию. По словам Н. Бердяева, «историческая судьба русского народа была несчастной и страдальческой, и развивался он катастрофическим темпом через прерывность и изменение типа цивилизации». Берд-

яев насчитал в истории «пять разных Россией», которые отнюдь не целиком сменяли друг друга и так и не сформировались в органическое единство. Не обладала им и имперская Россия, охватившая столь различные регионы «инородцев». Катаклизм 1917 года означал распад этого конгломерата — вследствие тягостного и трагического раскола русского народа как связующего начала всего сверхобразования.

В интенсивных духовных поисках и спорах, дополненных революционной практикой, утвердилась доктрина, взявшая на себя решение любых проблем через тотальное противостояние западной цивилизации. Прежние споры относительно культурной причастности России были отменены и преданы забвению с установлением Советской власти. Да и в самом деле: к чему смыслы полемики между западниками - славянофилами - евразийцами-модернистами, если стержнем всей духовной жизни общества утверждалось преодоление господствующей «буржуазно-помещичьей культуры» и создание новой, социалистической, заимствующей из прошлого лишь традицию протеста, бунта и борьбы против пагубных общественных порядков (уже миновавших)?! Да и в практическом плане вопрос о нашей принадлежности был решен принципиально — через стирание или отмену сопричастностей к своему народу, языку, истории, религии и создание сверхобщности «советских», всесторонне противостоящей Западу как «исторически обреченной» формации, основанной на «господстве капитала».

В слепом пятне доктрины оказался духовный тип цивилизации, источник ее динамизма, в котором она сохраняет присущий ей духовный код. В результате «антибуржуазные» выбросы слишком часто превращались в антизападные, подобно тому как

«научный атеизм» обернулся антихристианством и антирелигиозной практикой. Как в оценке самих себя, так и других обществ в официальной идеологии и политике устранялись социальные и культурные измерения, относящиеся к национальной или цивилизованной самобытности, чтобы утвердить противоборство «двух лагерей», двух систем, двух типов бытия. Именно это, как предполагалось, было содержанием, а по форме различным группам предоставлялась возможность «попеть-поплясать», опубликовать свой эпос и использовать орнаменты. Зато пресекались истинно наднациональные объединения, независимо от того, принимали они форму культурно-исторического или религиозного единства. Жёсткие ограничения касались христианских церквей, исламских и буддистских организаций. Государственные границы обрывали связи не только между родичами, общинами, нациями, но и цивилизациями.

После всего нашего поведения за последние десятилетия наша принадлежность к цивилизованному миру остается под сомнением, сколь сильно ни пожелали бы мы войти в этот мир. Именно как мировая система мы противостояли «первому» миру и вели ревностное соперничество в «третьем». Даже после всех недоразумений с Китаем и крушением социалистических режимов в Африке или Азии, сохранялось деление мира, восходящее к размежеванию на «белых» и «красных» периода гражданской войны. Лишь интенсивно «зеленеющий» Ближний и Средний Восток, все более окрашивая в тот же цвет и ряд республик Средней Азии, заставил многих впервые задуматься о том, из каких компонентов состоит мир — и мы сами. Происходят впечатляющие, часто драматические выбросы национальной пассионарности в различных республиках — а за ними в России,

которая, похоже, готова «воспрянуть ото сна» не только для введения рынка и парламентской демократии. Мы **слишком различны** в своих национальных истоках, и до недавних пор лишь жёсткая командная система, пронизывающая сверху донизу все административное управление этого конгломерата, поддерживала его устойчивость.

К тому же, составляющими элементами Федерации и Союза являются не только этнические и национальные единицы, связанные чувством родства, привязанностью к языку и территории, но и крупномасштабные цивилизации. К ним могут быть отнесены периферия европейского Запада в Прибалтике, массивный, хотя и разнородный исламский регион, особый район Сибири, тяготеющие к Дальнему Востоку районы Южной Сибири, восточно-славянская цивилизация. Хотя эти регионы могут быть выделены лишь условно, нет сомнения в том, что внутри них срабатывают слабые по сравнению с политическими, но постоянные культурно-исторические силы сцепления. Эти силы оказываются столь влиятельными, что перемалывают массивное воздействие казало бы сверхмощных политических институтов.

В рамках каждого из этих регионов — при всем их внутреннем разнообразии — существует значительное сходство культурных типов и жизненных ориентаций, проявляющееся в отношении к труду, формах поведения, характере социальности, образе жизни. Зрелая городская культура прибалтийских республик способствует развитию навыков и искусному индустриальному труду и накоплению его вещественных предпосылок. Напротив, в Средней Азии в большей степени труд основан на использовании сложившихся природных предпосылок и на поддержании привычных солидаристских отноше-

ний. Глубокое различие культурных и религиозных традиций довершает и оформляет сложившуюся и постоянно поддерживаемую разницу в типе цивилизаций. Типы личностей, степень индивидуализации, структура социальных связей и формирования человека — на все это накладываются отпечаток веками складывающиеся нормы и ценности, запечатленные в языке, художественной культуре, религии, принятых типах поведения.

С ещё большим трудом, чем нации, цивилизации подчиняются государственным границам, и такого рода барьеры рано или поздно рассыпаются или передвигаются. Поэтому столь интенсивно проявляется тяготение советского мусульманского региона к зарубежному исламу, буддийского региона к Дальнему Востоку (Монголия, Китай, Япония), Прибалтика — к Европе (в ее различных субрегионах). И уже на протяжении веков двойственной остается цивилизационная принадлежность «собственно России», вынужденной ходом истории играть «всемирно-историческую» и столь обременительную роль «перекрестка» цивилизационных судеб, связывая несоединимые начала в государственно-

политической системе.

Как бы мы ни определяли тот строй, от которого мы отходим, в социально-экономическом или политическом планах, вряд ли по отношению к нему применимо название «цивилизация». И если споры о том, «что делать?», приведут нас, может быть, к многоукладному и более эффективному хозяйству, то что мы будем представлять в социокультурном плане? Ведь войти в мировую цивилизацию можно только обретя свою самобытную сущность.

Сейчас уже нам очевидно, что впереди — полоса напряженных национальных споров и раздоров: цивилизации состоят не только из удобств и демократических порядков. «Расцвет наций» сопровождается взаимными претензиями и распрями. Но нация — лишь ступень и уровень народного бытия. Только преодолевая взаимную ограниченность, вступая во взаимодействие и поддерживая более высокий уровень общений и устремлений, национальные образования могут обеспечить тот сложный, утонченный и требовательный тип отношений, который заслуживает названия российской цивилизации.

НАЦИОНАЛИЗМ: ЧУДОВИЩЕ ПРОБУЖДАЕТСЯ

Адам МИХНИК,
Варшава, Польша

Недавно я принимал участие в региональном заседании ПЕНклуба, которое происходило в словенском городе Блед. После того, как я был свидетелем и участником происходивших там дискуссий, моя тревога за будущее стран Восточной Европы значительно возросла.

В Словении встретились писатели из Чехословакии и Венгрии, Хорватии и Косова. Только из Сербии не было ни одного человека. Это означает, что утеряна возможность диалога между сербскими интеллектуалами и их коллегами из Хорватии, Словении или Косова. Национальные страсти оказались сильнее, чем потребность в совместной борьбе за демократию, чем желание обсудить об-

щие проблемы с коллегами по перу.

Никто не знает, что станет в ближайшем будущем с Югославией. Все мои югославские знакомые в один голос утверждают, что нет больше никакого смысла в насильственном сохранении федерации.

Я уже говорил, что никакого диалога между сербами и другими народами федерации не существует. Но у меня была возможность выслушать монологи моих сербских и хорватских друзей. Не мне решать, кто из них прав, кто виноват. Только в одном я уверен: Балканы вступают в период политической нестабильности, которая дорого обойдется всем народам Югославии. Я думаю, что ни одна из республик федерации ничего не выиграет в результате эскалации межнациональных распрей в регионе. Да и всей Европе придется дорого заплатить за это.

К тому же национальные конфлик-

Адам Михник (р. 1947) — польский историк и правозащитник. Депутат Сейма от Варшавы, главный редактор либеральной газеты «Газета Выборная».

ты внутри Югославской федерации — это только часть спектра подобных проблем внутри Восточной Европы. Один из моих сербских собеседников, чрезвычайно напуганный ростом шовинизма, напомнил мне мысль Ф. Грильпарцера о том, что победа национализма над гуманизмом открывает тиранам путь к власти. Это предостережение остается актуальным для каждого из наших народов, для любой из наших стран.

В наших странах — странах Восточной Европы — действительно происходит революция. Мирная, бархатная, какая угодно, но все равно революция. Каждая из революций в своем развитии проходит определенные фазы. За общей борьбой против прежних структур власти неизбежно следует борьба за власть в лагере победителей.

В начальный период революции оппозицию объединяет единая идеология, которая сводится к лозунгу: «Свобода вместо диктатуры». Когда человек стремится к свободе для себя, для своего народа или для своего движения, его вполне устраивают лозунги всеобщей свободы, терпимости к инакомыслящим, гарантии прав меньшинства. Только позднее внутри оппозиции возникает дискуссия: начинается оформление различных идеологических течений.

Коммунизм всегда претендовал на роль универсальной доктрины, поэтому после его падения возникает пустота. В этой пустоте постепенно появляются демоны минувших эпох: вновь возвещают о себе ксенофобия и шовинизм, популизм и нетерпимость.

Слово «национализм», посредством которого принято объяснять все эти процессы, чересчур расплывчато и имеет широкий круг ассоциаций. Мне кажется, что для существа дела будет полезно уточнить это понятие. Стремление к возрождению национальных ценностей, защита национальной

культуры, борьба за национальную государственность — все это не является национализмом.

Национализм — это не борьба за свои национальные права, а пренебрежение чужим правом на сохранение национального и человеческого достоинства.

Национализм — это определенная концепция мира, согласно которой народы являются конкурентами в борьбе за выживание.

Национализм — это выраженная форма естественной потребности каждого народа иметь свое национальное государство. Национализм означает нетерпимость: он отказывает другому человеку в праве на национальную жизнь.

Национализм — это последняя фаза коммунизма. Это последняя попытка устаревшей идеологии найти в обществе поддержку для диктатуры. Ким Ир Сен, Кастро или лидер сербских коммунистов Милошевич являются яркими примерами этого.

Одновременно национализм является выражением оппозиции коммунизму. Коммунизм плюет на национальное достоинство народа, разрушает его национальные традиции, уничтожает его национальную независимость. В этом случае национализм становится искаженной формой западной национальной самозащиты, и степень этого искажения тем больше, чем сильнее было национальное пречение.

Естественно, что существует разница между этими двумя родами национализма. Национализм колонизаторов всегда более отвратителен и более преступен. Возьмем русских. В своей политике с великорусскими националистами украинские и литовские, эстонские и грузинские публицисты достаточно хорошо описали «имперскую психологию» великороссов.

Однако дело с русским национализмом обстоит не так просто. Русский националист может утверждать, что

ни один народ не пострадал так от коммунизма, как его народ. Это правда. Он может сослаться на разрушенную культуру и жесточайшие религиозные гонения, на истребление интеллектуальной элиты, на уничтожение городов и деревень, на доведение людей до рабского состояния.

Русский национализм может представить русский народ как жертву коммунистов. Он может сказать, что русские не несут ответственности за преступление большевиков, потому что марксизм — это западное изобретение. Сама по себе революция в России — дело не русских, а евреев, поляков, латышей и т. д. Коммунизм, скажет русский националист, не вина русского народа, а его несчастье.

Все это правда, но все это не ответ. Национальное чувство несовместимо со стремлением избежать ответственности за свои и чужие несчастья. Национальное достоинство означает не только право гордиться своим народом, но и обязанность делить позор своего народа.

Одно с другим нераздельно связано. Если какой-нибудь человек — немец — гордится творениями Гете, Гейне и Томаса Манна, хотя не он их написал, то он должен испытывать чувство вины за преступления Гитлера, Гимmlера и Геббельса, хотя он лично в них не участвовал. В этом и состоит принцип ответственности.

Национализм — это способ избавиться от ответственности за прошлое. Винаваты всегда «чужие» — таково убеждение каждого националиста.

Национализм, помимо этого, является способом создать такой образ своего народа, в котором не было бы никакого места для «инородцев». Националистическое мышление делает возможным преследование космополитизма в культуре или ограничение в правах сограждан еврейского происхождения. Национализм берет на

вооружение лозунги типа «Россия для русских», «Польша для поляков», «Болгария для болгар». Наконец, националистическая доктрина приводит к погромам, о чем свидетельствует кровь убитых в румынской Трансильвании венгров.

За этими выявившимися только сейчас национальными эмоциями встает вопрос о том, каким путем пойдет революция в той или иной восточноевропейской стране. Одни группы выдвигают тезис «возвращение в Европу». Другие — «возвращение к корням».

Эти цели не обязательно противоположны, но они становятся противоположными по мере обострения конфликтов. В слаборазвитых обществах, граждане которых страдают от комплекса неполноценности из-за отсталости страны, обычно представлены две партии интересов. Одна стремится догнать богатую и либеральную Европу, другая хочет выработать собственный, чаще всего антиевропейский путь. Национализм выступает при этом в качестве идеологического оружия антиевропейской партии.

Русский национализм может выражаться в имперских притязаниях, но может быть представлен и в ипостаси изоляционизма. Такие националисты готовы предоставить свободу Литве при условии, что все «инородцы» покинут Россию.

Русскому националисту нужна чистая Россия — без литовцев, евреев, армян и узбеков, с одной стороны, без космополитов и масонов, с другой стороны. Он не очень твердо знает, кто такие масоны, но он убежден, что это что-то, связанное с евреями и с Европой. В Европе он видит главного врага.

Сейчас часто говорят о том, что в России вновь разгорелся спор славнофилов и западников. Я не верю в это. Я вижу в России спор демокра-

тов, духовным отцом которых был покойный борец за права человека Андрей Сахаров, с черносотенцами.

По существу этот спор чрезвычайно банален: одна сторона обвиняет коммунизм в том, что он нарушает элементарные человеческие права, другая — в том, что это чужая, немецкая, жидомасонская и космополитическая идеология.

В каждой посткоммунистической стране есть своя Черная сотня, мировоззрение которой так же просто и ясно, как то, которое навязывали обществу коммунистические вожди. Именно поэтому мировоззрение так легко завоевывает умы людей, которые присутствуют при конце казавшихся вечными коммунистических догм.

Польша — это особый случай. В тех границах, в каких Польше позволил существовать Сталин, она не является многонациональным государством. Борьба против национальных меньшинств не играет никакой роли в политике, потому что ни один поляк не чувствует угрозы со стороны.

В Польше нет политического конфликта между левыми и правыми. Сами эти обозначения вряд ли сохранили какой-то смысл. В Польше идет борьба между сторонниками «открытого общества» и приверженцами идеи «католического государства польской нации», в котором не должно быть места для «инородцев».

Для сторонников первой идеи народ — это культурная общность, для их противников — это общность крови.

Мне сложно оценить, как происходит этот процесс в ГДР. Но мне хотелось бы спросить у моих немецких друзей, не беспокоит ли их то, что граждане ГДР с такой легкостью сняли с себя груз ответственности за прошлое? Можно ли считать вспышки ксенофобии в ГДР только следствием коммунистической пропаганды?

Я боюсь, что за успехом на выборах восточногерманских христианских демократов, партии, которая долгие годы была верным союзником коммунистов, скрываются неприятные проблемы, связанные с национализмом. Может ли быть, что немцы из ГДР, никогда не признававшие своей вины за нацистские преступления, спокойно и безбоязненно объединятся с демократическим немецким государством?

Мы часто представляли себе конец коммунизма как большой праздник. Теперь мы становимся свидетелями того, как от воздуха свободы просыпаются и вылезают из своего подполья древние чудовища.

Мы верим, что национальный экстремизм — это пережиток прошлого, что он непопулярен в массах. Мы верим в то, что развитие наших стран пойдет по демократическому пути.

Но что, если мы ошибаемся?

ЛОЖЬ «НАЦИОНАЛЬНЫХ РОДИН»

Андрей КИБРИК,
г. Москва

Нынешние дискуссии ниспровергают множество застарелых мифов, укоренившихся в идеологии и в массовом сознании. При этом остается совершенно незбылемым и даже благополучным островком советской конституционной системы принцип территориального деления на национальной основе. Принцип этот мыслится как единственно справедливый не только консерваторами, но и сторонниками реформ; так он лежит в основе проекта решения национального вопроса, предлагаемого Межрегиональной группой.

По моему убеждению, национально-территориальное деление представляет собой одну из самых опасных бомб замедленного действия, заложенных при создании СССР. Территориальное деление по национальному принципу отнюдь не является единственным и даже наиболее распространенным вариантом государственного устройства в многонациональных государствах. Большинство стран мира, особенно наиболее благополучные из них, отвергли идею: «каждому этносу — по куску земли». Провинции, штаты, области выделяются на основании исторических, географических и экономических факторов и вовсе не обязаны быть национально однородными единицами.

Разделение территории страны на национальные образования с самого начала таило в себе опасности буду-

щих взрывов. При проведении границ царил произвол — вспомним хотя бы известные проблемы Нагорного Карабаха, Абхазии, Самаркандской долины. Может показаться, что стоит сейчас исправить ошибки в проведении границ — и все пойдет на лад. Хотя исправлять границы, действительно, придется, вряд ли это может решить проблему коренным образом. Нормальное состояние этноса — отсутствие жестких границ проживания, частичная диаспора.

Достаточно произвольны и основания разделения этносов на ранги — кто заслуживает союзной республики, кто автономной, а кто, извиняюсь, всего лишь автономного округа! Думается, подобная идея ранжирования этносов, не имеющая аналогов в мире, тесно связана с марксистским представлением о равенстве. Подобно тому, как одни классы могут быть «равнее» других, точно так же можно и установить иерархию этносов.

Нынешнее национальное возрождение в разных регионах страны в значительной степени сводится к идее о том, что этносы должны стать «полноправными хозяевами» своих территорий. Однако попробуем разобраться: насколько основательна, перспективна и благотворна принятая в СССР модель деления территорий по национальному принципу?

Эта модель неизбежно влечет формирование в массовом сознании следующих стереотипов.

1. Государственность — единственный гарант сохранения языковой, культурной, генетической идентичности всякого этноса. Не имеющий форм государственной этнос неизбежно ассимилируется.

2. В рамках каждого национально-территориального образования этнос, обретший в нем государственность, имеет все основания быть привилегированным перед прочими.

Между тем, оба эти стереотипа ложны. Опыт всего мирового сообщества показывает, что национальное процветание никак не зависит от наличия территориальной автономии или государственности. Возьмите хотя бы ситуацию с украинцами в Канаде, итальянцами в Швейцарии, шведами в Финляндии. Все эти меньшинства не имеют административно закрепленной территориальной автономии и собственной государственности (парламента, конституции и т. д.), но вовсе не жалуются на ассимиляцию или стирание этнической специфики. Не верным ли будет утверждение, что украинцы в Канаде лучше сохранили этническое лицо, чем украинцы в Украинской ССР? Секта протестантов-меннонитов в США сохраняет традиционный уклад и немецкий язык XVII века, используя блага цивилизации и не подвергаясь агрессии с ее стороны.

Обратимся теперь к стереотипу привилегированного этноса. Доказывать его бесчеловечность не приходится — между тем, он распространен в СССР повсеместно. Так грузин, житель Тбилиси, уверен в том, что у него больше прав распоряжаться окрестностями Сухуми или Гудауты, нежели у живущих там абхазцев, армян или турок на том «основании», что вся Абхазия — это часть Грузии, и «следовательно» — земля грузин. Азербайджанец, живущий в Баку и никогда не бывавший ни в Шуше, ни в Степанокерте, не допу-

скает сомнения, что Нагорный Карабах — это его вотчина, и тот факт, что 80 процентов жителей этой области думают иначе, никакого значения для него не имеет. А уж русский, вольно или невольно ассоциирующий себя не только с РСФСР, но и со всем Союзом и воспринимаемый как представитель «общегосударственного народа», не в состоянии понять, как это жители Латвии могут не согласовывать с ним, прописанным в Туле или в Петропавловске-Камчатском, свои намерения относительно самоопределения.

Вслед за идеей о принадлежности данной территориальной единицы определенному этносу всегда следуют шовинистические амбиции и синдром мононациональности. Этот синдром может быть преодолен благодаря приверженности европейской цивилизации к христианским ценностям — есть надежда на именно такое развитие в Прибалтике. Но чаще синдром реализуется в неутолимой жажде этнической однородности, в известных лозунгах типа «Россия — для русских» или «Утопим жидов в русской крови».

Есть две стратегии достижения идеала мононациональности: ликвидация всех представителей «некоренной» национальности на территории «коренного» этноса (путем изгнания, вытеснения или истребления) и стремление к ассимиляции инородцев любым путем, включая насильственный. Первый вариант типичен, например, для русских расистов, второй пытаются реализовать в Грузии те, кто разьясняет абхазцам, что они не считают себя грузинами просто по недоразумению, и чем скорее они это поймут, тем лучше для них.

Как ни странно, немаловажную роль в этнопсихологии советских этносов играет даже чисто, казалось бы, внешний, словесный аспект. Дело в том, что в СССР территориальные

образования не просто выделены по национальному признаку (как, например, некоторые штаты в Индии, в ряде африканских стран), но и «приписаны» определенным этносам: Эстонская ССР — территория эстонцев, Латвийская ССР — территория латышей, Грузинская ССР — грузин. Приписанность каждой автономии определенному этносу — постоянный источник трений и недоверия между людьми, как в случае преобладания данного этноса на данной территории, так и в случае, если он не составляет большинства (Казахстан, Латвия, Абхазия).

Я предвижу некоторые возражения. В самом деле, весь мир знает национально-территориальные конфликты и в странах, где вовсе нет национально-территориальных образований. И наоборот, в странах с этнически однородными территориальными образованиями может царить этнический мир.

Однако я вовсе не утверждаю, что существование национально-государственных автономий — единственный источник национальных столкновений. Существует и много других факторов. Один из них — тоталитаризм. Именно это, а не отсутствие автономий обусловило протесты турок в Болгарии или венгров в Румынии и геноцид против них. То же самое хорошо видно из советской истории, в которой было очень много автономий и очень мало демократии. Разве автономия спасла крымских татар от геноцида?

В большинстве развитых стран Западной Европы и Америки нет острых этнических проблем, при том что нет и национально-территориального деления и автономий. Единственный вид автономии, которым обладают меньшинства в этих странах — это культурная автономия. В США живут в диаспоре множество национальных общин, которые отли-

чаются высокой степенью устойчивости. А в СССР, несмотря на жесткую национально-территориальную структуру, очень сильны ассимиляционные процессы. Не спасают национально-территориальная структура и автономизация и от миграций: за годы советской власти десятки миллионов людей поменяли место жительства, став тем самым «некоренным населением» тех или иных территорий.

Каковы же практические предложения, основывающиеся на проделанном анализе ситуации? Единственный способ притушить разгорание расизма и территориальных споров — постепенное, но повсеместное признание того, что владельцами территорий являются не господствующие этносы, а **люди**, совокупность людей, проживающих на данной территории — вне всяких различий. Отсюда следует и отказ от принципов территориально-государственной автономии и национально-территориального деления.

Ясно, что отмена национально-территориального деления и государственных автономий не может быть одномоментным актом и не может произойти в ближайшем будущем. Слишком устойчивы массовые стереотипы, слишком много надежд возлагается на национальную государственность. Отменить национально-территориальное деление в нашей стране — не проще, чем восстановить частную собственность. Поэтому я предлагаю поэтапное движение к этой цели, долгосрочную и перспективную программу.

В качестве первого шага необходимо, как предлагал А. Д. Сахаров, вывести все автономные образования из состава союзных республик и полностью уравнивать их в правах.

Затем надо создать все возможности для выхода любого национально-территориального образования из со-

става СССР: государство обязано оправдать авансы, которые оно давало этносам при своем образовании 70 лет назад. К тому же, нашей огромной и отсталой стране в любом случае пошло бы на пользу уменьшение размера; впрочем это уже особая тема.

Наконец, нужно приступить к реализации отмены национально-территориального деления, которая должна быть завершена, например, через 10 или 15 лет. За это время население любого национально-территориального образования сможет решить для себя, что ему дороже: собственная государственность или вхождение в состав СССР. В первом случае данное образование в течение назначенного срока выходит из состава СССР и далее определяет свою судьбу уже самостоятельно (при этом, правда, в ряде случаев придется депортировать с соответствующей территории все «некоренное население»). Зато во втором случае этнос, дающий название данному национально-территориальному образованию, соглашается с тем, что он будет лишен государственного статуса! Например, вместо Азербайджанской ССР и Абхазской АССР будут организованы многонациональные Бакинская и Сухумская губернии, в которых всем этническим группам должны быть предоставлены юридические, социальные и культурные гарантии их выживания и благополучия.

Отмена территориального деления на национальной основе необходима независимо от того, какая часть современной территории останется в составе СССР к моменту этой отмены. Такая отмена осмысленна, например, и на территории одной РСФСР, ибо

хотя здесь и не было пока масштабных и кровавых столкновений, синдромом многонациональности и здесь уже проявляет себя. В течение того периода, пока отмена национально-территориального деления не будет реализована, следовало бы начать пропаганду этой идеи и разрушение губительных стереотипов этнической государственности и «приоритетного» права этноса на территорию.

Итак, единственным перспективным путем решения национального вопроса в СССР является отделение нации от государства и ликвидация преимущественного права доминирующих этносов на территории. Пора, наконец, осознать, что территория Молдовы не принадлежит молдаванам, Узбекской ССР — узбекам, а РСФСР и тем более Советский Союз — русским. Каждая территория — будь то национальное или просто территориальное образование — принадлежит только совокупности людей, живущих и работающих на этой территории, **независимо от их национальной принадлежности**. Их соплеменники, живущие в других местах, никак не могут ею распоряжаться. А что касается этносов, для которых такой подход категорически неприемлем, им придется самостоятельно создавать свои «чистые» государства.

Право этносов на нормальную и полнокровную жизнь должно быть гарантировано независимо от наличия у них собственной государственности. В противном случае придется не только создавать русскую автономию в Эстонии, но и эстонскую, армянскую и молдавскую внутри города Москвы, — а возможно, и особую автономию для единственного проживающего в СССР готтентота.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ: РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПРОСА МОСКВИЧЕЙ

Л. БЫЗОВ, А. ГУЗАНОВА, Н. ЛАДЕНКОВ

Каково место благотворительности в общественном сознании? Готовы ли люди участвовать в ней? И если да, то в какой форме? Кому согласны помогать и каким способом — деньгами, собственным трудом, пожертвованием ценностей? Сюда надо добавить связь благотворительности с религиозным сознанием, верой и неверием, а также материальным и культурным уровнем населения.

Круг вопросов определил выборку респондентов. Были опрошены три группы москвичей: 350 человек по телефону (случайная выборка), 150 посетителей православного храма (Елоховского собора), 85 посетителей Московской Синагоги.

Что такое благотворительность?

Естественно, что в современных условиях разные люди понимают формы и цели, как и саму благотворительность неоднозначно. Тем не менее, как свидетельствуют результаты проведенного исследования, 45% опрошенных считают, что благотворительность — это «личная помощь всем нуждающимся». (Как известно, многие десятилетия считалось, что нуждающихся в стране нет, а если есть, то помогать им должно госу-

дарство). 44% опрошенных связывают благотворительность с «помощью слабым, больным и обездоленным через организации (фонды и общества), которые специально созданы для оказания такой помощи». Очень четко проводятся различия между помощью «вообще нуждающимся» и помощью близким и знакомым. Лишь 11% считают последнее благотворительностью. (По-видимому, благотворительность понимает-

ся подсознательно как добродетель, жертвой не является.)
жертва. Помощь же близким

Таблица 1.
Представление о благотворительности (%)

Как вы считаете, что можно называть благотворительностью	Место опроса		
	Телефонный опрос	Православный храм	Синагога
1. Помощь близким и знакомым	11	5	11
2. Личную помощь нуждающимся	43	42	25
3. Помощь через фонды и общества	44	52	59
4. Безвозмездная помощь государству	2	1	2
5. Нет ответа	0	1	2
Всего	100	100	100

Милосердие и религиозность

Большое стремление к благотворительности оказалось у неверующих, но не видящих в религии особого вреда, а также у колеблющихся между верой и неверием. Наименьшее число — убежденных атеистов. Что же касается верующих в Бога, то у них повышенной склонности к благотворительности не наблюдается (по данным телефонного опроса назвали себя верующими без соблюдения обрядов — 22%, с соблюдением обрядов — 3%).

положение у посетителей Православного храма, которые отличаются особой чувствительностью к милосердию (среди них 64% верующих, 47% не соблюдают обряды, 17% — соблюдают).

Однако не все, кто хорошо думает, так же поступает, и представленный

выше ранговый порядок групп не соответствует тому, который получается из расчета активности социальных групп в оказании помощи просящим милостыню. Как нам представляется, на это распределение более сильное влияние оказывает степень распространения религиозности социальных групп, которые по мере ее уменьшения располагаются в следующем порядке: 1 — работники сферы обслуживания и торговли; 2 — служащие; 3 — учащиеся; 4 — работники науки и культуры; 5 — пенсионеры; 6 — ИТР; 7 — рабочие; 8 — руководители.

Ранговые позиции социальных групп по степени религиозности и по отношению к людям, просящим милостыню, практически совпадают до третьей позиции, а далее вступают в силу латентные факторы, среди кото-

рых с наибольшей вероятностью следует назвать уровень доходов, общественный и должностной статус. Чем выше занимает группа позицию в социальной иерархии, тем заметно меньшее участие ее представителей в оказании помощи в виде милостыни, так как официально это никак не поощрялось.

Несмотря на некоторые колебания в ту или иную сторону, во всех упомянутых социальных группах противники благотворительности в меньшинстве и составляют не более четверти опрошенных.

Рассмотрим, на какие цели люди согласны делать добровольные пожертвования (см. табл. 2).

Таблица 2.
Распределение ответов на вопрос: «Если у вас появилась крупная сумма денег, куда вы согласны ее отдать?»

Цели пожертвований	Телефонный опрос		Православный храм		Синагога	
	расп.	%	расп.	%	расп.	%
1. Помощь инвалидам	189	54	69	47	43	51
2. Помощь детям	269	76	98	66	49	51
3. Помощь на борьбу со СПИДом	119	34	53	36	32	30
4. На приобретение культурных ценностей	26	7	16	11	9	?
5. На восстановление памятников	52	15	42	28	14	17
6. На развитие материальной базы спорта	5	1	4	5	0	0
7. На развитие народного хозяйства	4	1	2	1	2	?
8. На развитие армии и флота	2	1	0	0	0	0
9. На охрану природы	96	27	49	33	22	26
10. На борьбу за мир	60	17	23	16	9	11
11. На поддержку неформальных движений	3	1	5	3	5	6
12. На поддержку политического деятеля	5	1	8	5	6	7
13. На памятник жертвам репрессий	23	7	10	7	17	20
14. Жертвам землетрясения	110	31	33	22	29	35
15. Жертвовать бы не стали	5	1	3	8	4	5
16. На другие цели	9	3	5	3	2	2
Не дали ответа	5	1	8	5	2	2

Готовность к тем или иным формам и видам пожертвований обусловлена различными установками и цен-

ностями. С этой точки зрения мы и проанализируем полученные результаты.

1. На первом месте с большим приоритетом ценности, связанные с участием в жизненной судьбе отдельного человека — беспомощного, еще не вставшего на ноги, слабого, больного, попавшего в беду. Понимание, что любой из нас может попасть в трудную ситуацию. Такое мнение разделяют все слои общества. Хотели бы помочь детям 76% опрошенных, инвалидам — 54%, жертвам стихийных бедствий и землетрясений — 31%.

2. Общечеловеческие ценности. Защита человеческой цивилизации имеет важное значение. Тревога за ее существование характерна для значительной части населения. Согласно внести личные денежные средства на борьбу со СПИДом примерно треть населения (34%), охрану природы — четверть (27%), борьбу за мир — шестая часть опрошенных (17%). Здесь наблюдаются небольшие возрастные отличия. Так, с возрастом возрастает чувство ответственности за окружающую среду и природу, появляется большее стремление внести свой вклад в борьбу за мир. Опасность СПИДа, напротив, в большей степени ощущается самыми молодыми.

3. Культурные ценности имеют примерно раза в два меньший приоритет по сравнению с общечеловеческими. Об этом можно судить по согласию населения жертвовать на восстановление памятников (15%) и приобретение культурных ценностей (7%).

4. Политика.

События последнего времени привели к политической активизации населения. От возросшего увлечения публицистикой, дискуссиями и спорами в печати до носящих политический характер митингов и демонстраций. Политическое движение в Москве, судя по недавнему 200-тысячному митингу на Манежной площади вызывает широкий интерес в массах.

А согласно ли население оказать этому движению поддержку собственными средствами? **Практически нет.** Пока еще совсем немногие хотят денежно помочь неформальным движениям (1%) и отдельным политическим деятелям (1%). Много говорилось в последнее время в прессе о строительстве памятников жертвам репрессий, но и на это согласно внести свои личные деньги всего 7% москвичей. Гораздо больше политической активности наблюдается у посетителей храмов. Так, среди посетителей Синагоги согласны участвовать в строительстве памятников жертвам репрессий уже 20% респондентов.

Забегая несколько вперед, скажем, что связанные с политикой добровольные объединения и общества также непопулярны в том смысле, что население не особенно хочет их поддерживать личными средствами.

Таково фактическое положение, которому трудно дать однозначную интерпретацию.

На наш взгляд, политическая активность населения несколько преувеличена средствами массовой информации. Газеты и журналы переполнены материалами о выборах, политических платформах дупутатов, плюрализме или, напротив, его отрицании и утверждении роли КПСС. А люди, оказывается, больше хотят помогать детям и сиротам, заниматься экологией и восстанавливать исторические памятники.

5. У населения нет установки добровольно и безвозмездно вкладывать свои деньги в развитие народного хозяйства, армии и флота, а также материальной базы спорта. На это согласилось около 1% опрошенных.

Исходя из данных по всей совокупности опрошенных, наиболее перспективными направлениями развития благотворительности в ближайшие годы являются (в порядке уменьшения доли ответивших): 1 — по-

мощь инвалидам (54%), 3 — борьба со СПИДом (34%), 4 — помощь жертвам стихийных бедствий (31%), 5 — охрана природы (27%), 6 — борьба за мир (17%), 7 — восстановление памятников (15%), 8 — приобретение культурных ценностей и строительство памятников жертвам репрессий (по 7%). Только 2% опрошенных ука-

зали, что жертвовать бы не стали или уклонились от ответа.

Однако цели пожертвований и острота ощущаемых проблем уже сегодня входят в противоречие с той репутацией, которая уже сложилась у известных Фондов и их руководителей.

Отношение к благотворительным фондам и обществам

Население охотно бы помогало следующим фондам:

1. Детскому фонду им. Ленина (90%), Фонду Милосердия и здоровья (95%), Фонду помощи жертвам землетрясения в Армении (76%), Фонду поддержки ветеранов афганской войны (73%);

2. Обществу охраны природы (80%), Экологическому фонду (76%), Фонду мира (58%), Фонду за выживание человечества (56%);

3. Фонду на восстановление Храма Христа Спасителя (63%), Обществу охраны памятников (57%), Фонду культуры (53%);

4. Обществу «Мемориал» (7%), Фонду депутатских инициатив (15%);

5. ДОСААФ (14%).

В такие фонды, как Детский им. В. И. Ленина, Милосердия и здоровья, Экологический, «За выживание человечества» при случае готовы пожертвовать все слои населения. К некоторым фондам — отношение избирательное. Так, посетители Православного Храма поддерживают Фонд на восстановление Храма Христа Спасителя, Общество охраны природы, Фонд поддержки ветеранов

афганской войны, что в меньшей степени характерно для посетителей Синагоги, которые с большей готовностью выразили желание помочь Обществу «Мемориал», Фонду помощи жертвам землетрясения в Армении.

Единодушное неприятие так называемой добровольной, а на самом деле принудительной, помощи ДОСААФу. Не пользуется симпатиями созданное властями общество «Трезвость», а также Фонд депутатских инициатив.

Причины низкой популярности некоторых фондов, по-видимому, разные. В случае «Мемориала» и Фонда депутатских инициатив — это отсутствие политической культуры и сохранившееся отчуждение большой массы населения от политических событий (возможно, определенную роль сыграло казенное название этих фондов). В случае Общества «Трезвость» и ДОСААФ — то, что они сильно скомпрометировали себя в глазах населения (например, Общество «Трезвость» последнее добровольное общество, созданное по инициативе «сверху»).

Некоторые добровольные общест-

ва возникли в свое время на волне энтузиазма, другие — по инициативе «сверху». Обычной была практика распространения марок такого рода обществ, которую сложно было назвать добровольной. На вопрос о том, какие известны благотворительные фонды и добровольные общества, большинство опрошенных и не вспомнило, что им наверняка приходилось покупать марки ДОСААФ, ОСВОД, Общества охраны памятников и т. д. 73% вспомнило Фонд им. В. И. Ленина (руководителям которого удалось сделать Фонду очень хорошую рекламу), 40% — Фонд мира, 39% — Фонд помощи жертвам землетрясения в Армении, 23% — фонд Милосердия и здоровья, 19% — Фонд культуры, 17% — Фонд поддержки ветеранов афганской войны. Остальные фонды и добровольные общества вспомнили менее 10% опрошенных. Наибольшую осведомленность в отношении фондов и обществ, судя по доле неответивших, проявили руководители (6%), ИТР (8%), работники науки и культуры (9%), работники сферы обслуживания и торговли (9%), а наименьшую — учащиеся (20%) и пенсионеры (21%).

«Лидеры милосердия»?

Отношение к лидерам, как и к фондам и обществам, которые они возглавляют в социальных группах, неоднозначное.

Поддержкой абсолютного большинства опрошенных пользуется академик Д. С. Лихачёв, и только по оценкам «рабочих» он занимает шестое место (См. табл 4), да у работников сферы обслуживания и торговли, у которых он на втором месте. Второй ранг популярности занимает писатель А. А. Лиханов, хотя у «служащих» он на четвертом месте, а у пенсионеров — на шестом.

В целом просматривается такая зависимость, что на оценки, которые дают отдельным лидерам, сильное влияние оказывает частота появления их на телевидении, то есть эффективность их пропаганды со стороны средств массовой информации. Но несмотря на сделанное заключение (а, возможно, именно по этой причине) во всех социальных группах однозначно негативно оценивается Р. М. Горбачева как лидер Фонда культуры.

Таблица 3.

Отношение к общественно политическим лидерам, руководителям некоторых фондов и добровольных обществ

Общее ранговое место	Фамилия, инициалы	Социальные группы							
		1	2	3	4	5	6	7	8
1	Академик Д. С. Лихачёв (Фонд культуры СССР)	6	1	1	1	2	1	1	1
2	Писатель А. А. Лиханов								

Общее ранговое место	Фамилия, инициалы	Социальные группы							
		1	2	3	4	5	6	7	8
3	(Детский фонд) Академик Е. П. Велихов	3	2	4	2	1	2	3	6
4	(Фонд за выживание человечества) Г. А. Боровик	2	3	2	4	6	4	2	3
5	(Комитет защиты мира) Академик Т. И. Заславская	1	5	3	6	4	7	6	2
6	(Фонд культурных инициатив) М. Я. Лемешев	8	4	7	3	3	3	5	9
7	(общество охраны природы) Писатель П. Л. Проскурин	9	6	5	5	7	5	4	8
8	(Фонд культуры РСФСР) Писатель В. А. Солоухин	5	7	6	8	8	9	8	4
9	(Фонд восстановления Храма Христа Спасителя) А. Е. Карпов	7	8	8	10	5	6	7	5
10	(Фонд мира) Историк Е. М. Чехарин	4	9	10	7	10	10	10	7
11	(Общество охраны памятников) Р. М. Горбачева	10	10	9	9	9	8	9	10
	(Фонд культуры СССР)	11	11	11	11	11	11	11	11

* Социальные группы: 1 — рабочие; 2 — ИТР; 3 — служащие; 4 — руководители; 5 — работники сферы обслуживания и торговли; 6 — работники науки и культуры; 7 — учащиеся; 8 — пенсионеры.

На первый взгляд, приведенные данные свидетельствуют о готовности населения к пожертвованиям в благотворительные фонды. Между тем, многие из них формально существуют давно. Приходилось ли

людям делать пожертвования на самом деле? И вот тут оказывается, что лишь два Фонда набрали достаточное число голосов — Фонд помощи жертвам землетрясения в Армении (47%) и Детский фонд (19%). Далее

за ними идет Фонд помощи жертвам Чернобыля (6%). остальные фонды отметили менее 4% респондентов, несмотря на достаточно хорошую их известность. Показательным здесь является отношение к Фонду Мира, о котором знают 42% опрошенных, а фактически помогли 4%.

Обращает на себя внимание тот факт, что доля опрошенных, высказавших готовность участвовать в благотворительности, существенно отличается от доли тех, кто реально ее осуществляет в форме пожертвований. Только 13% опрошенных не смогли назвать ни одного благотворительного Фонда или общества, тогда как на вопрос о том, куда приходилось жертвовать, не ответило 35%.

Сегодня же формы милосердия ограничены. Они так или иначе привязаны к деятельности фондов. Какие формы жертвований считает наиболее привлекательным население?

Приобретать марки, платить членские взносы	— 22%
Перечислять деньги на счет фонда или общества	— 29%
Перечислять деньги только на конкретные цели	— 60%
Участвовать в благотворительных концертах и аукционах	— 55%
Жертвовать свои вещи	— 28%
Жертвовать ценности	— 9%
Помогать своим трудом	— 44%
Затруднились ответить	— 1%

Как видим, сумма ответов намного больше 100%, и неответивших практически нет. Так что вопрос о формах милосердия никем не обойден. Самое живое участие он вызвал и у посетителей храмов — как Православного, так и Синагоги.

Исходя из приведенных данных формы пожертвования по степени привлекательности располагаются в следующем порядке: 1 — перечислять

средства на конкретные цели; 2 — проводить благотворительные концерты и аукционы; 3 — оказывать помощь собственным трудом; 4 — жертвовать свои вещи; 5 — перечислять средства на счет фондов и обществ; 6 — приобрести марки и платить членские взносы; 7 — жертвовать ценности.

Из общедоступных форм пожертвований наиболее распространено приобретение марок и членские взносы. И как раз очень популярна, особенно для молодежи и людей среднего возраста.

Довольно высоко оценивается населением помощь собственным трудом — на это согласна почти половина населения (44%). Вместе с тем, такие возможности весьма ограничены. Пока нам известны только добровольные субботники и воскресники Общества охраны памятников, которые бывают регулярно и пользуются у населения популярностью. Вроде бы в ряде мест начинает зарождаться экологическое движение. Проводилось несколько субботников по спасению Лосиног острова. Но это эпизодический случай. Практически же нет организации помощи, направленной на охрану природы и окружающей среды, участие в которой было бы доступно всему населению.

Таким образом, с формами благотворительности сложилась следующая ситуация. Существуют, имеют средства и организации благотворительные формы, не пользующиеся особой популярностью у населения, которое вынуждено переводить деньги на счет этих организаций или покупать соответствующие марки. С другой стороны, люди хотят конкретно помочь природе и обществу как личными средствами, так и своим трудом, но практически осуществить этого не могут.

СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК КАК ОБЪЕКТ СОСТРАДАНИЯ

Рост активности западных благотворительных организаций в стране — и наш собственный «бум милосердия» — ведут к сравнению концепций благотворительности и социальной помощи в СССР и на Западе. В странах, не переживших пролетарских революций, практика и философия благотворительности имеют давние традиции и вполне сформированные институты, которые защищены государственным законодательством.

В экономическом плане филантропия представляет форму перераспределения общественного богатства в пользу обделённых судьбой и ситуацией. Идеологически она несёт в себе ценности традиционных религиозных институтов. Благотворительность представляет собой и государственную политику, направленную на поддержание минимального уровня жизни, сложившегося в данной стране и в данное время. Филантроп не только замаливает грехи, но и приносит жертву неведомому грядущему, создавшемуся теми, кому оказывается помощь.

Именно с этим набором представлений западная филантропия высадилась в СССР — в стране, которую гласность представила страной неведомого грядущего, соединяя с единовременной просьбой о кредитах.

Симон КОРДОНСКИЙ,
г. Москва

В самом начале брежневского безвременья я, тогда биолог, работал «в поле». Однажды пришлось мне заночевать на дебаркадере в среднем течении Оби. Суда на реке стояли в густом тумане. Время от времени громкоговоритель вещал: «Мария Ульянова» опаздывает на три часа». В разных уголках дебаркадера пристроились люди, и сквозь натянутый на голову спальник пробивались их го-

лоса, приобретающие в молочной темноте какой-то особенный смысл. Мужчина и женщина обменивались впечатлениями о том, как хорошо стало жить: есть хлеб в магазинах, соль да спички, и даже подсолнечное масло... И ещё пенсию колхозникам стали платить... Вот только водка дорожает — 3.42 стоит, а не 2.13, как в старые времена. Да ещё плохо — китайцы голодные...

Когда рассвело и долгожданная «Мария Ульянова» показалась на фарватере, я полюбопытствовал, кто же эти счастливицы? Испитые лица со следами пьяных драк, телогрейки, резиновые сапоги на босу ногу — знакомый тип бича, заселявшего в ту пору районы освоения...

Всю свою бродячую полевую жизнь в маленьких и больших городах, в сёлах и на выселках я вижу людей, нищета которых наглядна, — а они счастливы. Они счастливы тем, что живы, что пьяны, что они не в «зоне» и не на спецпоселении, что свободны на пяточке, ограниченном паспортным режимом.

Инвалиды детства, жившие до недавнего времени на 16 рублей 50 копеек в месяц, спецпереселенки-колхозницы, ютившиеся в домиках с земляным полом, дожидаясь смерти как отпуска от беспросветности существования... Олигофрены с пионерскими галстуками и значками, строй рахитичных, одетых в одинаковые дешёвые пальтишки детдомовцев... От жалости и беспомощности распирало грудь и нечем было дышать.

Но были и другие впечатления: толпа нескладных подростков и уже округлившихся девочек-детдомовок, — у каждой по куску арматуры — и детские ещё руки, растёгивающие ремешок дешёвых часов. Нищие, пропивающие краденые и выпрошенные деньги. Наглые вокзальные проститутки и их всегда пьяные клиенты. Старик-браконьер, готовый нажать на курок старенького ружья только потому, что кто-то по незнанию поставил сети на его привычное и рыбное место. Инвалиды войны и труда, несущие свои уродства как знамена, как доказательство своего права на первое место в любой очереди.

Нищета и ущербность, как и всё остальное, познаётся в сравнении, и единственным утешением бедняка является смутное знание того, что где-

то живут ещё хуже. Кому мы только, живя плохо, ни помогали — африканцам и азиатам, американцам и арабам, пострадавшим от катастроф и аварий, больным и политическим заключённым ЮАР. Сострадание дальним при почти полном отсутствии понимания безысходности своей собственной жизни и жизни самых близких — только с таким мироощущением, наверное, можно было существовать последние десятилетия.

* * *

Государство, существовавшее до 1986 года, было цельным и в своей идее, и в практическом воплощении. В идеологии и государственном устройстве страны, в принципах его функционирования парадоксальным образом запечатлены принципы благотворительности, действовавшие на Западе в конце XIX века. Это государство «благотворительно» по своей природе, его основная и главная задача — забота о благе народа, понимаемом как уравнительное распределение. Тот коммунизм, который строился, — общество одинаково бедных, а не богатых. После проведения соответствующих мероприятий по выработке новой социальной структуры все граждане государства были тем или иным образом зачислены в пролетариат — то есть людей, не имеющих ничего, кроме того, что им «положено».

В ходе построения светлого будущего все отрасли, территории, предприятия, организации, также как и люди, обрели себя в роли просителей, с протянутыми руками стоящих у подъездов госпланов и минфинов, парткомитетов и профсоюзов, соборов или просто касс, где выдаются зарплаты, пенсии и пособия.

Люди в нашем обществе различа-

ются по полученным от государства правам на попрошайничество. Рабочие и крестьяне в эпоху перестройки, в частности, взяли себе право не просить, а требовать, как тот одесский нищий, который требовал от девушки копейку, угрожая плюнуть в морду и уверяя, что у него сифилис. Профсоюзы в лице ВЦСПС заявили, что вообще не потерпят никаких производящих субъектов, которые не платили бы им членских взносов. Они угрожают плюнуть в морду любому, кто покусится на священное право быть первым в очереди на государственный суп.

* * *

Советский человек — это комплекс свойств, в основном приспособительного характера, позволяющий людям выжить в условиях отдельно взятой страны. Он сконструирован как самодостаточная и беспомощная реальность. Во-первых, он лишен рефлексии и способности к пониманию своих собственных состояний. Собственные сомнения и искания для него не существуют, пока о них не напишут в газетах. «Просто жизнь» для него загадка, советский человек не верит в ее существование и только в борьбе обретает счастье свое. Но борется он именно за нормальную жизнь, которую многочисленные враги отодвигают все дальше и дальше в будущее. Окружение советского человека ему враждебно и еще до войны на картах плакатного назначения счастливый розовый цвет Страны Советов многозначительно оттеняли оттенки коричневого, в которые было окрашено 5/6 земного шара. Советскому человеку для жизни нужны препятствия и враги, борясь с которыми он медленно приближается к тому, что заведомо его устроить не может.

А если под рукой не находится врага, то советский человек его быстро создает — по своему образу и подобию.

Советский человек не может и не способен заниматься своим делом. Писатель не пишет, он борется за право писать. Ученый не исследует, он борется за право исследовать. Рабочий не работает, он борется за возможность работать. В социально-однородном общенародном государстве царит всеобщая депрофессионализация. Профессия советского человека показывает не род занятий и не место в общественном разделении труда, а положение в системе борьбы за возможность заниматься профессиональной деятельностью. Но борьба и работа — совсем разные занятия, и те, кто победил, обычно работать уже не могут. Они ищут с кем бы еще побороться.

Советские люди, выбившиеся в руководители — непрофессионалы. Сельским хозяйством руководят учителя и авиационные инженеры, а математики направляют экономическое планирование. Руководители прежде всего борцы, связанные особыми бойцовыми, так называемыми коллегиальными отношениями, в которых несущественно, кто они по профессии. Еще пять лет назад 40 процентов руководителей областного уровня не имели высшего или хотя бы среднего специального образования. При каждом из них была (и есть) команда, свои люди, разбирающиеся хоть немного в руководимом деле — помощники, референты, просто умные евреи при губернаторах. Результаты их работы начальник представляет своему кругу борцов как собственный труд.

В своем восприятии самого себя советский человек сводится к паспортным данным: он мужчина или женщина, имеет прописку и запись ЗАГСа о том, что женат и детей. Для него очень важна национальность, ко-

торая в годы застоя и культа была своеобразным знаком качества или заведомого брака, потому что из евреев, армян и некоторых других этнических групп советский человек получался с большим трудом. В эпоху перестройки каждый козыряет пятым пунктом, отстаивая свои биологические права быть русским, евреем, армянином, азербайджанцем, латышом или эстонцем.

В отличие от обычного человека, советский не имеет чисто человеческих, казалось бы, свойств. Он, к примеру, не растит своих детей, которые с младенчества отчуждаются и вся их детская жизнь проходит в специализированных учреждениях, этаких маленьких моделях взрослого лагеря, где и прививаются основные качества советского человека, в особенности способность и умение «качать права». Советский человек не имеет своего жилья — оно государственное, и даже тем, что считается личным владением, он распоряжаться не может. Он не имеет своего здоровья — оно государственное состояние, отчужденное от своих носителей-людей. Поэтому им пренебрегают. Советский человек не умеет отдыхать — в предназначенное государством время отдыха работает на участке или калымит, а в рабочее время старается ничего не делать.

Сейчас на рубеже, отделяющем реальный социализм и перестройку, государство имеет все. Советский человек не имеет ничего. И это представляется ему идеальным общественным состоянием, основным завоеванием социализма, отказываться от которого нельзя никак. Для лишнегого всего советского человека настоящее оказывается лишенным ориентиров, вех, разграничительных линий. Его жизнь организуется государственными ритмами недель, декад, месяцев, кварталов, полугодий, лет и пятилеток. Советский человек живет от полочки до

аванса, и от аванса до полочки, от отпуска до отпуска и от государственного рождения до государственной же смерти. И еще — от начала рабочего дня до его конца, или от конца до начала. Несколько раз в год единообразные времени нарушается государственными праздниками, которые по сути ритуальная актуализация прошлого и демонстрация того, что прошлое и есть настоящее, сразу же переходящее в будущее. Время для советского человека чистая длительность, в которой биологическая жизнь с ее ритмами лишь аномалия, что непременно доказывается многочисленными примерами вечно живых героев государственного эпоса.

Настоящее в государстве переорганизуемого социализма всегда несущественно, всегда переходный период от прошлого — плохого или хорошего — к прекрасному будущему. Отсутствие настоящего и симметричность прошлого-будущего возродили средневековое восприятие времени, в котором будущее — всегда возврат к хорошему старому — к Ленину, к Романовым или даже к Рюриковичам. Это восприятие и организация времени исключают творчество и появление чего-то принципиально нового. Для людей, выброшенных из истории, новое должно быть воспроизведением старого и апробированного, имевшего место в прошлом и только потому существующего.

В эпоху перестройки стремление уйти от настоящего стало патологическим. Сейчас советский человек устраивает под аккомпанемент подробностей прямо из Абакана и Магадана ритуальные танцы вокруг могил невинно убиенных за первые сорок лет существования социалистического государства. И еще он собирается осквернить могилы, раскопать их и устроить высший советский суд над скелетами и мощами тех, кто его самого создал. Что и говорить, про-

изведение достойно своих создателей.

Советский человек думает, что в мире можно что-то сломать, перестроить, что можно вернуться в прошлое и начать сначала. Но мир устроен так, что к прошлому возврата нет. Зачатки нормальной экономики и динамичной социальной структуры унесли с собой растрелянные и вымершие от голода и переохлаждения. Попытки понять суть перемен, сравнивая СССР с Германией или развивающимися странами, лишь подчеркивают разномасштабность событий. Попытка перескочить из прошлого в будущее выбросила страну из мировой истории и экономики, оставив ее только в мировой политике — как термоядерный склад. Если мир не поможет, то просматриваются всего два варианта конца истории СССР. Один из них — экономический крах к середине 90-х годов и военная диктатура, о последствиях которой для всего мира лучше не думать. Второй вариант — экономический крах и распад страны Советов на два десятка экономически немощных и политически нестабильных государств с превращением огромной территории в арену политических и военных столкновений между мусульманами и христианами, между централистами и автономистами, между богатыми природными ресурсами и бедными ими. И все это при непреложном факте, что многие вновь образованные государства будут иметь современное ядерное и прочее оружие, как и средства его доставки.

70 лет селекции — вещь серьезная. Те, кто пережил трагедию, не был ее героем. И советские люди, кроме всего прочего, потеряли способность улыбаться «просто так», они всегда озабочены и преисполнены враждебности к другим представителям своего подвига. Утешает, что в практике селекции есть такой феномен — ис-

кусственно созданные породы, как только выпадают из-под контроля селекционеров, скрещиваются (если, естественно, сохранили хоть это умение), и через одно-два поколения их потомки уже не отличаются от диких предков. Нечто подобное происходит сейчас в тридцатикилометровой зоне Чернобыля, где бегают стаи собак, больше похожих на волков, и пасутся стада диких кур и уток. Надо думать, что лет через 30, если селекционеры опять не придут к власти, свойства, привитые сталинскими хищниками, исчезнут и люди снова приобретут нормальный человеческий облик. Научатся улыбаться, хотя бы.

* * *

Эта жизнь — не человеческая. Так жить стыдно, греховно. И люди, не имея возможности помочь ближнему, стремятся очиститься, помогая дальнему. Редкий не подает нищему в подземном переходе, даже тот, кто негодует на шумных оборванных и голодных детей из соседней квартиры. Десятки благотворительных счетов по разным поводам возникли в годы перестройки. И ни один из них не пуст: люди шлют свои рубли и десятки для помощи жертвам Чернобыля и Арзамаса, Армении и Дальнего Востока, Афгана и многим-многим другим. Фонды и распорядители счетов поощряют отечественную культуру и нравственность, а также отпускают на прокорм гроши тем, кто может предъявить им свою справку о нищете. Моложавые чиновники «негосударственного милосердия» примелькались на экранах телевизоров, и на международных конгрессах — в роли «курьеров перестройки». Ничего не производя, собирая с каждой зарплаты каждого гражданина свой налог, они живут, не отчитываясь никому в своих тратах и

раскатывая по миру с личными коммерческими целями.

Взгляд на страну и народ сейчас, как ни странно, сходен для западных благотворителей и для руководителей нашего государства: люди бедствуют, количество бедствующих растёт, а государство бессильно им помочь — не хватает ресурсов; следовательно, людям надо помочь. Разрешение на существование благотворительных организаций в СССР означает признание государством своей недееспособности по отношению к некоторым социальным группам. Организованное милосердие должно стать протезом, помогающим государственным органам справиться с потоком сырых и убогих, стоящих в очередях на госпитализацию, помещенные в дома инвалидов и сирот.

Само повышение количества нуждающихся в социальной помощи является прямым следствием государственной социальной политики. Государственные дотации на содержание иждивенцев уже не покрывают издержек, родственные и прочие чувства подавлены всей системой воспитания, образования и образа жизни. Чувств почти нет, их вытравили, и люди правдами и неправдами пытаются устроить своих недееспособных родственников в государственные дома призрения. Если же это не получается, то сырых и убогих просто выбрасывают на улицу — и уже с улицы государственные органы социальной защиты подбирают их и концентрируют в домах младенцев и престарелых, в интернатах для инвалидов, в местах лишения свободы, в психиатрических больницах и колониях-поселениях. Сейчас оказалось, что возможности государства гораздо меньше воспитанных и выработанных этим же государством потребностей своих граждан — очереди в учреждении социального призрения выстроились на много лет. Отсюда и

возникла идея и необходимость государственных благотворительных организаций типа Детского фонда и Фонда Милосердия.

Уже из перечисленного видно, что прямое распространение на СССР социальной помощи в том виде, который сложился в других странах, только усугубит внутренние напряжения в стране.

Благотворительные организации других стран оказывают помощь вполне определённого плана. В частности, помощь отдельным людям, оказавшимся в кризисных ситуациях. Помощь творческим людям — писателям, художникам, отдельным учёным и пр. Эти стереотипы деятельности в СССР будут весьма затруднены, может быть, даже невозможны. Армения показала, что любое включение в оказание помощи государственных организаций приводит к социальным конфликтам из-за дефицита материальных благ, к обогащению имущих и к оскорблению остальных. Для оказания благотворительной помощи в традиционном для Запада смысле необходимо создание организации, которая сама по себе поглотит огромное количество средств. К тому же в СССР практически нет людей, которые имели бы уровень благосостояния, позволяющий им работать бесплатно.

* * *

Как это было всегда в кризисных ситуациях, мы обращаемся на Запад в поисках образцов деятельности и заимствуем не то, что нам действительно нужно, а то, что кажется самым простым и привлекательным. В случае с благотворительностью мы пытаемся взять формы, способы сбора средств и распределения, но не направленность деятельности. Ведь

основное содержание благотворительности в других странах вовсе не в государственном и общественном иждивении и призрении, а в стимулировании производящей деятельности, в поддержке потребности в личной автономии, независимости, свободе.

Опыт показывает, что главная проблема перестройки состоит в том, что производить некому, в то время как все стремятся присвоить и потребить как можно больше. И наша нарождающаяся благотворительность удовлетворяет эти потребности.

Я думаю, что реальная благотворительность должна заключаться прежде всего в создании условий для производительного труда, в материальном и моральном стимулировании тех, кто хочет не просить, а делать дело. Настоящая благотворительность в наших условиях — вовсе не воссоздание прежнего униженного существования, а стимулирование новых негосударственных институтов, в которых все — независимо от состояния тела и духа — смогли бы найти применение своим способностям на пределе возможностей.

Сегодня реальная помощь мировой филантропии может заключаться в создании параллельных организаций на Западе и Востоке, реализующих одни и те же функции и связанных государственными договорными отношениями. Государственными в том смысле, что государства, над юрис-

дикцией которых находятся общественные организации, заключают соглашения о накоплении и передаче опыта и о материальной поддержке тех или иных новаций.

Мне кажется, что помощь отдельным людям в СССР будет только укреплять нынешние иждивенческие установки. Надо помогать инициативным группам, способным выдавать хоть что-то новое и ценное, надо помогать производить, а не существовать. Сейчас наиболее важна помощь в инициировании создания и в поддержке существования групп, могущих производить знания, товары, услуги. Необходима помощь в создании общественных организаций, где люди смогли бы овладеть иными ролями, кроме нищего просителя, могли бы оформиться как способные к предложению благотворительной помощи, а не только к её получению.

Необходимы знания о реальности, в том числе и о том, какие люди и в каких обстоятельствах нуждаются в помощи. И какой эта помощь может быть. Оптимальным был бы вариант, когда Запад взял бы на себя обязанность финансировать пионерное исследование и методические разработки по созданию концепции социальной помощи в СССР. Такая работа может быть выполнена имеющимися силами в СССР с привлечением инициативных групп из зарубежных университетов и исследовательских центров.

НЕЗАВИСИМОСТЬ

— ЭТО НА УИК-ЭНД В ВЕНУ...

В. ОРЛОВ

Независимость — это когда ты появишься на свет в роддоме, где нет самых стерильных в мире советских тараканов, зато есть одноразовые шприцы и пелёнки.

Независимость — это когда твой отец пойдет в ЗАГС, чтобы получить документ, что ты действительно родился и что тебя назвали в честь деда Рыгором, и женщина, которая сидит там, спокойно выдаст ему этот документ, а не вытащит из стола «Справочник личных имён народов РСФСР» и не будет, размахивая им, истерически втолковывать твоему отцу, что он может без проблем назвать сына Файзуллой или даже Мамаем, а вот Рыгором — не имеет права, потому что такого имени просто не существует в природе (а есть нормальное русское имя Григорий).

Независимость — это когда ты пойдёшь в школу, и тебя будут учить на твоём языке (а девочку Гражину, которая нравилась тебе в детском садике, — на её, а твоего соседа мальчика Мишу, папу которого зовут Исаком, — на его, а другого твоего соседа мальчика Алёшу, родители которого приехали сюда, потому что в их городе на Волге, чтобы купить малышу молока, нужно становиться в очередь в пять утра, — на его). Тебя будут учить на твоём языке, и для

этого твоим папе и маме не нужно будет всё лето собирать по квартирам заявления родителей, которые не то чтобы не хотели учить своих детей так, как твои папа и мама, а просто никогда об этом не думали, потому что выросли при интернационализме.

Независимость — это когда ты будешь студентом, и на лекции по высшей математике твой смуглый ровесник с Мадагаскара, который учится на деньги своей, а не твоей страны, наклонится к тебе и по-белорусски спросит, что значит слово «ітавернасьць», и ты по-французски объяснишь ему, что это слово значит.

Независимость — это когда ты будешь служить в армии не дальше пограничного города или деревни твоей земли, зато тебе никогда не прикажут красить траву и убирать территорию «вот отсюда и до обеда». В воскресенье ты сможешь приехать к родителям или к своей девушке, зато никто не назовёт тебя «бульбашом», а твоего друга «черножопым» за то, что вы думаете и разговариваете во сне по-своему, и отличники боевой и политической подготовки не будут в процессе этой подготовки устраивать тебе «велосипед», и тебе никогда не прикажут острить сапёрную лопатку, чтобы окопаться в Баку или Тбилиси.

Независимость — это когда твоя

девушка говорит, что хочет на выходные в Вену, и ты с чистой совестью обещаешь ей, что в субботу вы будете пить кофе напротив дворца Менбрунн, и знаешь, что перед вашим путешествием никто не будет выяснять у тебя, был ли ты в детстве евреем, а также был ли ты ранее за границей, и если вернулся оттуда, то с какой целью.

Независимость — это когда твой сын принёс из школы пятёрку по истории, и ты хвалишь его за эту пятёрку, потому как знаешь, что он получил её не по той истории, где учат о Ледовом побоище и победе коллективизации, а по той, где учат о Грюнвальдской битве, которая спасла твой народ от смерти и говорят правду о власти, расстрелявшей твоего деда и задушившей голодом твою бабушку.

Независимость — это когда тебя снова навестит белорусский бард из Нью-Йорка, и ты снова выпьешь с ним добрую рюмку вишнёвки, и после этого вежливые люди в штатском не предложат тебе подробно написать, где и что вы пили и кого при этом вспоминали.

Независимость — это когда никто не пугает тебя, что твой народ не сможет выжить без Великого Старшего брата, потому что не имеет своих бокситов или алмазов, и ты понимаешь, что совсем зря жалел несчастных бельгийцев или голландцев, у которых нет ни бокситов, ни алмазов, ни даже Старшего брата.

Независимость — это когда огромные автофургоны с нахально крупной загадочной надписью «Центровывоз» (видел ли ты хоть однажды такие фургоны, где хотя бы мелко было написано «Центроввоз?») подъедут не к чужим, а к нашим магазинам.

Независимость — это когда вдруг выяснится, что умные головы есть и у нас, и когда — избави Бог! — взорвётся завод или приключится иная беда, не надо будет ждать, пока прикатит комиссия из московских умников.

Независимость — это когда на склоне дней своих ты уверен, что после того, как отправишься в лучший мир, на месте церкви или костёла, где тебя крестили и где ты венчался, не выкопают пруд с грязным лебедем и не построят бассейн имени XXVIII съезда КПСС, а кладбище, где будет почивать твой прах, не снесут бульдозерами и не превратят в забросанный пустыми бутылками Парк культуры и отдыха имени товарища Горбачева или имени товарища Лигачева.

Независимость — это...

Независимость — это когда от рождения до смерти чувствуешь себя своим человеком на своей земле.

Я верю, что когда-нибудь так будет.

Потому что иначе просто не стоит жить.

**Газета «Сибирский курьер»
(г. Новосибирск),
№16/90.**

ВСЁ БОЛЕЕ СУВЕРЕННЫ РЕСПУБЛИКИ, ВСЁ МЕНЕЕ — ЛИЧНОСТИ...

Кайдо ЛИЙВА

Уровень юмора падает. Шутки становятся всё однообразнее. Любой ценой пытаются оправдать бедность мысли. Инфантильность — это, якобы, современно. Это, оказывается, новое восприятие жизни, это поп, это — устремление автора к независимости.

Конъюнктура сверхблагоприятная — какое издание, например, не опубликует карикатуру, изображающую государственного деятеля, на высоком челе которого находится пятно, по контурам напоминающее Эстонию? Но который, несмотря на это, из всех сил пытается Эстонию задушить. Или глумливые картинки, изображающие интеров, Карла Вайно, красноармейцев? Какие издания откажутся опубликовать их только за то, что они сделаны непрофессионально, убого? Боюсь, что таких «смелых» редакторов у нас ещё пока не имеется.

В то время, когда журналистике ещё не успели заткнуть рот, а редакторы спрятали свои карандаши глубоко в карманы, в различных изданиях повторяется одно и то же, высмеиваются одни и те же явления, печатаются карикатуры на одних и тех же деятелей. Жизнь становится всё более однообразнее, а юмор — всё более одноплановым.

Но это, как я думаю, наша общая

судьба. Сдвиги в верхних слоях общества неминуемо повлияли на всех нас. Мы жили как будто в каком-то вакууме. Яростная борьба за власть привела к тому, что определяющим стали голословные декларации, а не то, что конкретно сделал для народа тот или другой носитель власти или общественный деятель. И если то или иное движение время от времени подтверждает, что оно законам не подчиняется, то не удивительно, что и отдельные личности не обращают внимания на закон и мораль, а показатели преступности растут с той же быстротой, как и цены. Деструктивная политика, которая потворствует отрицанию на любом уровне, отрицает и установившиеся нормы морали. А это неминуемо ведет к столкновениям не только между различными группами, но и между отдельными личностями (наверняка на своих рабочих местах многие замечали это).

Имеется ещё одна тенденция, которая сильно влияет на наше бытие. Это ошеломляющая сверхполитизация нашей каждодневной жизни. Почти везде знаменем являются независимость и суверенность, но суверенная личность стала редким явлением. Очевидно, независимость на уровне индивида — это роскошь, которую могут себе позволить лишь очень

сильные, очень самостоятельные личности.

Мы обвиняем интеллигенцию в манипуляции массами. А не делают ли то же самое наши собственные национальные движения? Политики, жаждущие власти, не пропускают ни одной возможности для того, чтобы поднять дух народа и поиграть на таких сокровенных струнах, как любовь к отечеству, совесть, убеждения... Личные убеждения людей становятся важнее, чем их профессиональные способности. И что удивляться тому, что партии меняют, как любовниц,— и всё во имя того, чтобы убедить народ в своей принадлежности к числу «наиболее прогрессивных». Опыт ГДР заставляет всё же быть осмотрительнее — может быть, и у нас не всё то, что блестит, является золотом? В положении, когда дела заменяются словами, а политика внедряется даже в самые интимнейшие жизненные сферы, когда социологические исследования, философские размышления и экономическое мышление заменяются национальным пустозвонством, неизбежно уменьшается и ответственность отдельной личности перед обществом и согражданами. И не нужно тогда удивляться, что наши люди становятся всё более равнодушными друг к другу, всё более циничными. И реформа полиции здесь не поможет. Ведь у нас под

рукой всегда великолепное оправдание — во всем виновато общество.

Во всем виноват социализм, Маркс, Энгельс. Ленин, Сталин, Карл Вайно и Рейн Ристлаан! Мы были вынуждены вступать в партию (чтобы получить квартиру, научную степень, должность в консульстве и т. д.) Мы были вынуждены творить свинства (поскольку свинства творили все — пусть-ка поднимут руки те, кто их не делал). Но за всем стоит не мой свободный выбор, а уродливая общественная система, которая, опираясь на оккупационную власть, сравняла его с землёй. У нас нет даже свежих овощей, не говоря уже о нормальных деньгах, своей языковой культуре и прессе!

Свою беспомощность, неуважение, небрежность и лень можно переложить на других, прежде всего — на шею общества. Можно найти врага, организовать сопротивление, разыграть из себя мученика, которого другие обязательно пожалеют. Чувство достоинства превращается в пепел с тем, чтобы когда-то, может быть, снова возродиться, как феникс.

Газета «Дайджест»
(г. Таллинн),
№16/90.

ДЕМОКРАТИЯ И НАСИЛИЕ

Энтони БЕРДЖЕС
(Англия)

Лето вызывает в хороших гражданах усталость, леность и упадок сил. Плохих граждан оно толкает на антиобщественные поступки. Во Франции молодёжные банды совершили грабежи с нанесением увечий и преднамеренным поджогом, в ФРГ — ограбление банка с захватом заложников, с убийством и незаконным переходом границы.

Что касается зверств, учинённых бандами из Аннеси, то британская пресса использовала в своих репортажах о них заголовок одной из моих книг, вернее сказать, название кинофильма, поставленного по книге «Механический апельсин». Эта картина была поставлена Стэнли Кубриком при исполнении главной роли Малькольмом Мак-Дауэллом. Название фильма стало для газетчиков своего рода ярлыком для описания молодёжных преступлений, и дело доходит до того, что меня, по недомыслию, начинают рассматривать в качестве некоего «крёстного отца» всех несовершеннолетних насильников, воров и убийц, которые под воздействием хорошей жары и погоды нападают на беззащитных стариков, главным образом ради развлечения. Задачей писателя является наблюдение за реальной жизнью и её описание, а не изобретение чего-то такого, что подменяло бы её. Так что это произведение (написанное более четверти века назад) обладало определённой точностью предсказания.

Сегодня мы живём в мире больше-

го насилия, чем в 1971 году, когда кинофильм «Механический апельсин» появился на английских экранах, и меня представляют сейчас как повинного в определённой степени за создавшуюся ситуацию. Это, разумеется, сушая бессмыслица, однако необходимо ответить на вопрос, в какой мере средства массовой информации повинны в усилении насилия?

Пресса почти никак не способствует росту преступности, книги способствуют ему в весьма незначительной мере, но телевидение, возможно, играет в этом немалую роль. Я ничуть не сомневаюсь, что молодые французские преступники насмотрелись у себя дома достаточно сцен насилия, драк и перестрелок. Яркие краски, возбуждающая музыка, кидающие в дрожь сцены убийства... всё это вызывает кипение крови и способствует переносу насилия из мира искусств в мир окружающей действительности.

По мере того как увеличивается число телеканалов, экран всё больше забивается окровавленными трупами, будь они «сценарными» или подлинными. Нет никакого различия между заснятым на плёнку боем в Бейруте и перестрелкой, предусмотренной кинематографическим сценарием, — обе выглядят одинаково, и наша реакция на них сводится к сиюминутному интересу. Мир реальных событий и мир придуманных событий превращаются в единое целое. Я убеждён, что насилие на экранах в наших гостиницах оказывает определённое влияние на

поведение той молодёжи, энергия которой явно преобладает над интеллигентностью, но, тем не менее, оно ещё не подменяет собой первородный грех. Разрушать легче, чем создавать. Молодёжь обладает силой и мускулами, но её ещё не научили как следует использовать их в созидательных целях. Когда единственным способом самовыражения является насилие, тогда и «первородный грех» преступности готов вырваться наружу, особенно когда её стимулируют популярны́е средства массовой информации.

Наша эпоха не слишком отличается от других эпох. В XIX веке лондонский сброд представлял собой постоянную угрозу. В XVII веке подмастерья были всегда готовы взбунтоваться. Кажется уже доказанным, что человечество мало изменяется. Но в некоторых отношениях оно всё же улучшается. Международные футбольные матчи в нашу эпоху часто сопровождаются насилием. Однако когда в Англии только начали играть в футбол, вместо мяча использовали отрубленную голову. Большая часть нашего насилия принадлежит, так сказать, к частному сектору: нацистская Германия продемонстрировала нам, какую опасность несёт с собой насилие, когда оно становится частью государственной философии.

Ещё до того, как изобрели прессу и начали пытаться увеличить её тиражи, выносы аморальные поступки и насилия в заголовки, уже совершалось великое множество краж, насильий и убийств, о которых мало говорили публично. Сейчас они вошли в наш дом, благодаря средствам массовой информации. Однако имеются определённые показатели явного роста агрессивности в наши дни, которые как-то связаны с той философией жизни, которая стала господствующей на Западе.

Все мы вспоминаем золотое про-

шлое, в котором, мол, не было похищений лиц и самолётов, не было душителеев, насильников и безнаказанных уличных убийств. Такая эпоха, судя по всему, никогда не существовала. Однако были времена, когда жители Нью-Йорка — сегодня города, наверно, с наибольшим уровнем насилия в мире — могли спать спокойно в Центральном парке летними ночами. Были времена, когда жители всех городов считали своим человеческим правом прогуливаться в сумерках по улицам и не подвергаться никаким нападениям, времена, когда пассажиров самолётов не обыскивали в поисках оружия и когда безопасность жителей многоквартирных домов не зависела от вооружённых швейцаров с устрашающей внешностью и от внутренних телесетей наблюдения.

Можно по-разному объяснять происхождение этого кризиса правопорядка. Однако, как кажется, все объяснения сходятся на том, что в XX веке перестали считать подавление наших примитивных инстинктов чем-то продиктованным свыше и уж, во всяком случае, чем-то обязательно похвальным. И мне кажется, что в демократических странах индивидуальная свобода становится желаемой целью для либеральной философии.

Демократия опирается на сложное переплетение отношений между гражданами, которое подразумевает, что подавление наших внутренних насильственных инстинктов — это долг каждой индивидуальной души. Структура семьи внушала это по традиции, и по той же традиции ребёнок всегда узнавал о своих гражданских обязанностях, ещё сидя на коленях своего отца. Однако Фрейд показал, что ребёнок должен противостоять своему отцу, что семья является не прообразом высшего порядка, а распределением ролей в греческой трагедии.

Переноса освобождение психики в социальный план, мы обнаруживаем, что сумели преодолеть свои неврозы и живём отныне в мире, в котором преобладает вседозволенность. Наши отцы уже не являются стражами приемлемого для всех порядка: молодёжь презирает своих родителей и отводит им всего лишь биологические функции. Они произвели на свет своих детей, и теперь их единственная ответственность заключается в том, чтобы их прокормить. Мы сами, взрослые, учились презирать тех родителей, которые управляют нашими обществами. Мы плохие сыновья и дочери, точно так же, как и нынешняя молодёжь. И, поскольку социальный контракт, при помощи которого нормальные граждане должны быть защищены от антиобщественных элементов, судя по всему, сильно истёрся, возрастает наша враждебность к тем, кто за нами надзирает.

У нас мало доверия к полиции, и многие ответственные граждане выказывают пренебрежение законам. Мы циничны в отношении государства, наиболее глубокий цинизм находит своё отражение в ограблениях, похищениях людей и убийствах. Веру в праотца, Бога, который награждает, но также и карает, постигла судьба всех остальных предрассудков. Церковь бессильна наложить кары небесные на безнравственные поступки так же, как государство слишком либерально для того, чтобы подвергать граждан смертной казни.

Мы живём в век, который превратил полицию во врага. Честно говоря, я не вижу решения проблемы агрессивности в правоохранительном аппарате, как и проблемы эффективности его служащих. Агрессивный инстинкт имеется у всех нас, и всех нас надо учить сдерживать его. Так что индивидуальная преступность, противопоставляемая государству, является горьким плодом дерева ли-

берализма. Это даже является одним из аспектов «либерум арбитриум» — права выбора, которое отцы церкви представили в качестве величайшего дара Бога человеку. Решение проблемы преступности лежит — я говорю это со вздохом — в образовании и в раннем союзе интеллигентности молодых людей с делом огромной важности — с поддержанием общественного порядка. К сожалению, преступные умы, которые омрачили наше лето, — умы небольшого калибра. Другими словами, это умы глупцов.

В Великобритании — и я не сомневаюсь, что также во Франции и ФРГ — показатели преступности понижаются с возрастом. В Англии дети в возрасте от 9 до 10 лет постигают, сколь просто грабить и убивать стариков. Они пользуются тем, что слишком малы, чтобы нести полную ответственность перед лицом закона. В исправительных колониях они встречаются со своими старыми друзьями и планируют новые грабежи и нападения, которые они совершат, выйдя на свободу. Количество насильственных преступлений возрастает повсюду, и беззащитные старики превращаются в главные жертвы. Традиционные представления о подлости уже не существуют, и кому-то кажется занимательным смотреть на старую женщину, залитую собственной кровью. При всём этом нет больших оснований проявлять больше тревоги, чем мы всегда проявляли. Так что мы выкажем себя лицемерами, если нас повергнут в ужас преступления этого лета, хотя мы и имеем право сожалеть об использовании операторами телевидения убийц с комариными мозгами, угрожающих ребёнку пистолетом, но зато уважительно обращающихся с микрофоном. Мы выкажем себя лицемерами, потому что эти преступления — ничто по сравнению с преступлениями на-

цистского государства и теми преступлениями, которые мы так спокойно переварили сами, превратив их попросту в достойные сожаления эпизоды своего исторического прошлого. Целая нация была преступной и сделала смерть своей философией. Мы узнали, сколь опасно чрезмерно доверяться государству, и уличные преступления нашей эпохи просто являются последствиями индивидуальной свободы.

Если людей убивают в священных войнах, то мы не должны удивляться тому, что их убивают на улицах городов, где нет ничего святого. В конечном счёте мы должны быть готовы защищаться от самих себя. Эпиктет, философ — раб с лампой, обнаружил,

что воры всегда крадут его лампы, он вывел из этого заключение, что воровство присуще ворам, и потому стал покупать такие лампы, которые не стоило и красть. Если мы превратились в жертвы частной агрессивности, будь то со стороны политических активистов или тупоголовых убийц с оружием в руках, нам следует признать, что и этим мы участвуем в человеческом существовании. Может, это не слишком ободряющее заключение, но это всё, что я могу вам предложить.

(«Эль Паус», Мадрид)

РЕЗОНАНС

ДВЕРЬ

(ГЛЕБ ПАВЛОВСКИЙ, «ДИТЯ ЗАСТОЯ», № 4/90)

Я с интересом прочел в № 4/90 эссе «Дитя застоя» и рискнул упрекнуть автора в поверхностном знакомстве с одной деталью нашей общей истории.

Автор пишет: «Дверь с табличкой «Часовщик Лурье» я пробежал, спеша к трамваю, хотя этого Лурье давным-давно увели и убили немцы...» Действительность, однако, была менее ординарной.

Когда немцы с румынами вошли в Одессу, в гетто забрали жену и ребенка Лурье, а его самого как человека с профессией, нужной Рейху, оставили на свободе. Через некоторое время у оказавшегося в Одессе немецкого генерала сломались часы, и Лурье сумел быстро и хорошо их починить. Его спросили, чего он хочет. Он, конечно, попросил, чтобы вернули жену и ребенка.

Прибыв в гетто, он узнал, что его жена с ребенком уже «ликвидированы». Тогда он, имея на руках, по существу, карт-бланш, спас другую женщину и другого ребенка. Они стали его новой семьей.

Я, видимо, старше автора и поэтому помню, как мальчиком, проходя по Торговой мимо этой, почти всегда открытой двери, видел в ней старика с больными ногами, сидевшего в кресле-качалке, а за ним — женщину, склонившую голову к своему спасителю. Но сейчас уже нет этой таблички на двери, нет и этих людей за ней.

Григорий НУСИНОВИЧ.
г. Одесса

ДО ОСНОВАНЬЯ — А ЗАЧЕМ?..

БЕСЕДА С ФИЛОСОФОМ АНАТОЛИЕМ АРСЕНЬЕВЫМ

Корреспондент. Анатолий Сергеевич, еще осенью 87-го года в дискуссии «круглого стола» в этой редакции (публикация состоялась в № 2/88 под заголовком «Баррикады перестройки») вы говорили, что попытки перестроить органическую систему — в данном случае нашу общественную — не меняя кардинально ее основание, похожи на латание тришкина кафтана. Вот уж действительно: «До основанья, а затем...» Что же у нас в основании, что — зачем? Давайте начнем с частного, но фундаментального.

Наше перестроечное новаторство в политэкономии и экономическом законодательстве по-прежнему спотыкается на понятии «частная собственность». Чем вы это объясняете, Анатолий Сергеевич?

А. А. Здесь мы имеем дело с одним из фундаментальных табу официальной (все еще! — несмотря на отмену статьи шестой Конституции) идеологии, со словом-призраком. Для преодоления гипноза страха, засевавшего как в официальном, так и в массовом сознании перед этим и подобными терминами, средство одно — знание того, что за ними стоит. Для начала нужно охарактеризовать систему в целом, не скрываясь за привычные вывески: «социализм», «общественная собственность», «планирование» и т. п. Многие термины, ко-

торыми мы пользуемся, являются словами-призраками, за которыми не стоит никакое определенное содержание или стоит то, что совершенно не соответствует действительности, отчего большинство наших дискуссий приобретает запутанный фантастический вид. За прошедшие со времени того «круглого стола» два с лишним года много развеяно мифов и фантомов. Тем не менее слова-призраки упорно не уходят из политического обихода — особенно в «высшем эшелоне власти». Это мешает понять нашу сегодняшнюю ситуацию, и следовательно, выработать достаточно обоснованную стратегию, и потому перестройка, в основном, идет «методом проб и ошибок», а вся «стратегия» правящей касты состоит лишь в том, чтобы удержать власть и связанные с ней кастовые привилегии. Это она и называет «сохранить основы (а ранее было «завоевания») социализма». Само понятие «социализм» окончательно утрачивает определенность, и под его основами одни понимают общественную собственность на орудия и средства производства, другие — планирование народного хозяйства, третьи — отсутствие эксплуатации... Самые непримиримые обществоведы-марксисты стоят на том, что от «завоеваний Октября» у нас осталось главное — уничтожение частной собственности.

По-моему, они ошибаются. У нас всегда была и есть именно частная собственность. И существует она у нас в своей наиболее уродливой тоталитарной форме, в форме государственной собственности. Трудящемуся безразлично, на кого работать — на частника (капиталиста) или на государство. Важно, что в обоих случаях он не распоряжается ни процессом труда, ни его результатом. А потому ему безразлично, какой продукт он создает, какого качества, и нужен ли вообще кому-нибудь этот продукт. Это отчуждение труда, как известно, ведет к отчуждению человека от самого себя, от своей человеческой сущности, а тем самым от всех других людей и от природы. Ко всему, что выходит за узкий круг его непосредственного обладания, он прокладывает короткое, но чрезвычайно емкое для его психики выражение «не мое», определяющее его равнодушное и безразличное отношение практически ко всему окружающему его миру. Это делает его сознание рабски пассивным, ведет к нравственному вырождению и одичанию.

В условиях капитализма негативными сторонами частной собственности притивостоят активная жизнь рынка, конкуренция и закон стоимости. Поэтому отчуждение (как и сама частная собственность) не может принять тоталитарный характер. Это произошло, если бы производство превратилось в единую монополию, чему препятствуют некоторые экономические факторы, а также антимонопольное законодательство. У нас государственная монополия частная собственность создает тотальное отчуждение, при котором она сама также отчуждена, обезличена и не имеет ответственного хозяина. Фактически частным собственником у нас является правящая бюрократия, но и она отчуждена от ответственности за

эту собственность. С одной стороны, государственный карман для нее свой, из коего она сама себе назначает и распределяет различные привилегии. С другой стороны, он вроде бы и чужой, за судьбу которого ни один из ее представителей не несет личной ответственности. Он не хозяин, он не может, действуя неправильно, потерпеть убытки, разориться, потерять положение и престиж на рынке и т. д. Поэтому он может швырять миллиарды, разорять народное хозяйство, строить себе виллы, зная, что в конце жизни его все равно ждет почетная персональная пенсия как довесок ко всему, что он наворовал, успел урвать от этой государственной собственности. Это и есть тотальное отчуждение.

Таким образом, капитализм, крепостничество и рабовладение (рабовладелец может разориться, он должен обращаться с рабами как со своим имуществом) не достигают в отчуждении труда и человека от самого себя и от мира такой всеобщей формы, как у нас. Поэтому мне странно слышать споры в Верховном Совете о том, допустить ли у нас частную собственность, а если допустить, то в каких пределах, как будто у нас она отсутствует.

Питаемая государственной частной собственностью система всеобщего отчуждения, по моему мнению, и есть основание нашего социального, экономического, политического, идеологического и т. д. устройства, каким бы «измом» эту систему ни назвать. Меньше всего здесь подходит название «социализм».

В любой органической системе существует внутренняя компенсация нарушений благодаря регулированию со стороны целого. Когда отклонений накапливается слишком много, требуется смена этого целого, то есть основания. Если основание пытается

удержать систему путем жесткого регулирования, замыкая все связи на себя, она становится неспособной к развитию, искусственно заторможенной. При такой отсрочке негативные факторы накапливаются, и развал системы может приобрести характер неуправляемого взрыва. Тоталитарная система разваливается тоталитарно, сразу во всех своих частях. Мне кажется, что путем затяжек и отсрочек мы приблизили именно такой момент. Опасный момент.

Корр. Но не спасать же нам этого глиняного колосса? И в каком направлении спастись самим? Вы говорили, что выход из нашей глобальной дилеммы «нужно чекать в том самом общем органическом основании жизни русской нации, которое определяет собой все социальные и личные отношения, отношение к миру в целом, национальный характер и стиль мышления, истоки которого уходят в глубь веков»...

А. А. Эта проблема обсуждалась на протяжении почти трехсот лет многими русскими мыслителями. Без достаточно глубокого анализа этого громадного материала в свете современных глобальных проблем здесь не обойтись. А без этого мы обречены на необоснованное экспериментирование и срочное затыкание появляющихся во все большем количестве прорех. Здесь мне хотелось бы обратить внимание лишь на одну историческую особенность.

Социально-пассивное (происхождение этой пассивности — самостоятельная проблема, здесь не рассматриваемая) сознание массы населения России представляло собой хорошую почву для всякого рода социальных экспериментов — построить общество по взятому со стороны (обычно, западному) образцу (например, Петр I, Екатерина II, Столыпин, Февраль 1917 г.), что исключало органичность развития этого сознания. И поэтому такие попытки были неудач-

ны, приводили, как это отметил еще Н. А. Бердяев, к увеличению несвободы. Последняя из них — февраль семнадцатого — также оказался неудачной.

После целого ряда реформ, начиная с отмены крепостного права в 1861 году, земской и судебной реформ 1864 года, Россия к первой мировой войне подошла с рядом либеральных завоеваний. Например, судопроизводство с судом присяжных, либеральная цензура печати, позволявшая выходить антиправительственным изданиям, столыпинская реформа, открывшая возможность развития фермерского хозяйства и т. д. Казалось бы, для буржуазно-демократической революции время назрело. Однако наиболее дальновидные мыслители, в том числе авторы «Вех», предупреждали, что к переходу от монархии (где отношение населения к власти иррационально) к республике (где отношение основано на гражданском правосознании) народ России не готов. И неготовность эта проявлялась в том, что за Февралем последовал Октябрь, попытка В. И. Ленина использовать «революционный подъем» масс для «социалистических преобразований». «Революционный подъем» без исторической зрелости сознания использовать для совершения революции, да еще в отличие от всех предшествующих революций на Западе, такой, которая не просто приводила бы политическую и правовую систему в соответствие со стихийно сложившимися социально-экономическими отношениями, а конструировала бы сами эти отношения, — идея, конечно, неосуществимая (что понимал и сам В. И. Ленин, отводя России лишь роль поджигающей спички).

И поэтому Октябрь, после Февраля, обернулся невиданной несвободой и террором, уничтожением мыслящей части нации и поворотом сознания остального населения таким образом,

что оно должно было воспевать свое рабство как идеал свободы. Создана небывалая система лжи, обмана, липемерия (что авторы сборника «Из глубины» отметили уже в 1918 году). Исторический регресс продолжался и в 1929 году, привел страну к крепостному праву, то есть к состоянию до 1861 года. Таким образом, нам нужно расстаться с еще одной некорректной формулировкой «Великая Октябрьская социалистическая революция». Объективно, революции, тем более социалистической, не было. Была реакция, погрузившая страну в бездну террора, лжи, восстановившая крепостную зависимость и создавшая систему тотального отчуждения.

И вот сейчас снова обсуждается вопрос, что и как мы можем взять с Запада. Рыночные отношения? Многопартийность? Парламентаризм? Демократию? Как будто социальную систему можно шить, как лоскутное одеяло, из элементов, органически входящих в другие системы. Кроме того, все неудачи «озападнивания» России, по моему мнению, имеют глубокую причину: в отличие, как раньше принято было говорить, русской души от души западноевропейской. И можно снова спросить: а сейчас может быть органически освоено и стать своим для сознания массы нашего населения то, что снова предполагается заимствовать у Запада? Если семьдесят лет назад оно не было готово к этому, то как его изменило существование в течение нескольких поколений системы тотального отчуждения?

Кроме того, мне кажется, что социальные формы, которые мы собираемся заимствовать у Запада, уже сыграли свою историческую роль и, по-видимому, должны в недалеком будущем радикально измениться.

Корр. Что именно вы имеете в виду в данном случае? Поясните, пожалуйста.

А. А. Прежде всего, экспансию науки и научного производства и порожденное ими господство неорганического технологически-вещного отношения к миру. Это, в частности, одна из неустраняемых причин экологического кризиса, что, кстати, показывает тупиковость **всех** теорий, связывающих общественное развитие с увеличением производительности труда современного машинного производства.

Господство рыночных отношений (существенная характеристика этого производства) делает сознание ограниченно-вещным, неспособным глубоко размышлять над «последними вопросами» собственной жизни, лишает его метафизического, духовного измерения. Эту бездуховность западной культуры отмечали, как правило, все крупные русские мыслители.

В демократии, при всех ее социальных достоинствах, не предусматривается органическая иерархия духовной жизни общества, духовное руководство замещено социальным механизмом, обеспечивающим господство посредственности (что отмечали еще античные авторы), приводящим к торжеству пошлости так называемой массовой культуры, где процесс обезчеловечивания человека приобретает размах индустриального производства, что вызывает все возрастающую тревогу и среди мыслящих людей Запада. Демократический социальный строй, по видимости, не затрагивает сферу духовного развития человека, хотя в действительности, становясь господствующей формой социальности, активно этому развитию противостоит, захватывая и погружая сознание в сферу вещных отношений, практически исключая способность восприятия Мира как целого, являющуюся необходимым условием формирования личностного «я».

Корр. Вы нарисовали довольно

мрачную картину. Получается, что те преобразования, к которым мы стремимся, во-первых, трудно осуществимы в силу особенностей сознания и психики основной массы нашего населения, а, во-вторых, они сами по большому счету отжили свой век. Какое-то безвыходное положение!

А. А. Ориентируясь на то, что есть в западной цивилизации сейчас, мы, даже если нам удастся продвинуться в этом направлении, неизбежно обрекаем себя на отставание. Нужно ориентироваться на будущее. А оно связано с проблемами, захватывающими все человечество. Без радикального изменения сознания, понимания места и назначения Человека в Мире человечество не выйдет из демографического, экологического и нравственного кризисов. Возможно, его ждет в недалеком будущем глубокая дифференциация на часть, изменившую свое сознание, способную к духовному развитию, и часть, дегуманизация которой будет ускоренно прогрессировать.

Корр. Сейчас проблемы перестройки связываются у нас прежде всего с экономическими и социальными преобразованиями. Судя по всему, вы придерживаетесь другого мнения.

А. А. Как я уже сказал, экономические и социальные преобразования могут сыграть, на мой взгляд, ограниченную роль сильнодействующего лекарства для выхода из сегодняшнего экономического кризиса. Но в целом западный образ жизни вместе с соответствующим складом души и сознания исторически в течение нескольких столетий складывался в тесной связи с экономическим развитием и именно потому могло появиться материалистическое понимание истории (так же как и протестантская этика), относительно верно описывающее этот процесс и, если отнегаться к этому описанию как к теории, то есть выяснить пределы его применимости,

а также внутренние противоречия и ограничения, то оно многое позволяет понять в развитии западной цивилизации. Но в то же время, например, я считаю совершенно неприемлемой идею диктатуры пролетариата (которую В.И. Ленин полагал «главным в марксизме»), оценку К. Марксом религии и ряд других идей.

Сознание русского народа складывалось в совершенно других условиях, а потому применять к России теории развития западной цивилизации бессмысленно. Это похоже на воспитание ребенка по модели, созданной родителями, что разрушает уникальное своеобразие его личности, ведет к нравственному уродованию и психическим заболеваниям. Самосознание России, выраженное в русской литературе и философии, резко отличалось от западного — даже у той части русской интеллигенции, которая находилась под гипнозом западных идей. Эти идеи в русской душе превращались в символ веры, в жертву которым приносилась реальная жизнь. Другая, более образованная и более глубоко мыслящая часть русского общества, понимала, что этот максимализм связан с особой способностью и потребностью души в причастности к бесконечному, абсолютному, разумному Началу Мира, то есть потребностью в религиозном отношении к миру. И подмена заключается в том, что этой абсолютной всеобщностью наделяется нечто, ею не обладающее (здесь, в частности, истоки культа Сталина).

Благодаря этой потребности русская культура в своих высших проявлениях всегда поднималась до «последних вопросов», связанных со смыслом бытия, и была религиозно окрашена. А сознанию народа всегда были ближе идеи харизматического лидерства и соборности, чем правосознания и западной демократии. Поэ-

тому социально-экономические эксперименты кажутся мне принципиально ограниченными. Дело в изменении сознания.

Корр. По-видимому, это изменение не должно следовать западному образцу? В каком же направлении оно должно идти и как это связано с судьбой человечества?

А. А. Во избежание летального исхода в течение ближайших десятилетий должно быть восстановлено то первичное отношение между человеком и миром, которое, по моим представлениям, лежит в основе антропогенеза и происхождения человека и является одним из необходимых условий формирования личностного «я». Оно характеризуется как отношение двух бесконечных эквивалентных друг другу целостностей, захватывает всего человека, не уместаясь в рамки рациональности, и воспринимается человеком как приобщение к великой и благодатной Тайне. Оно сопровождается чувствами любви, восхищения, благоговения, экстаза; из него рождаются нравственное, эстетическое, духовно-практическое и

теоретическое отношения. Оно же было непосредственным основанием религий. Поэтому его можно назвать первичным религиозным отношением. Оно было свойственно практически всем крупнейшим творцам культуры, в том числе и творцам современного научного естествознания.

В России тот самый максимализм, который является одним из источников наших бед, есть свидетельство существования указанной выше способности и потребности в религиозном отношении к миру — потребности, которая практически почти утрачена на Западе. Поэтому мне кажется, что ориентируясь на развитие этого отношения, мы имеем шансы не отстать от передовых цивилизованных стран, а придти к этому этапу одновременно с ними, а может быть, и первыми.

У нас нет времени и возможности ходить окольными путями. А прямой путь, по-моему, — это религиозное воспитание. Без него социально-экономические реформы на русской почве в принципе бесплодны.

**Интервью провел
Валерий БАРЦАЛКИН**

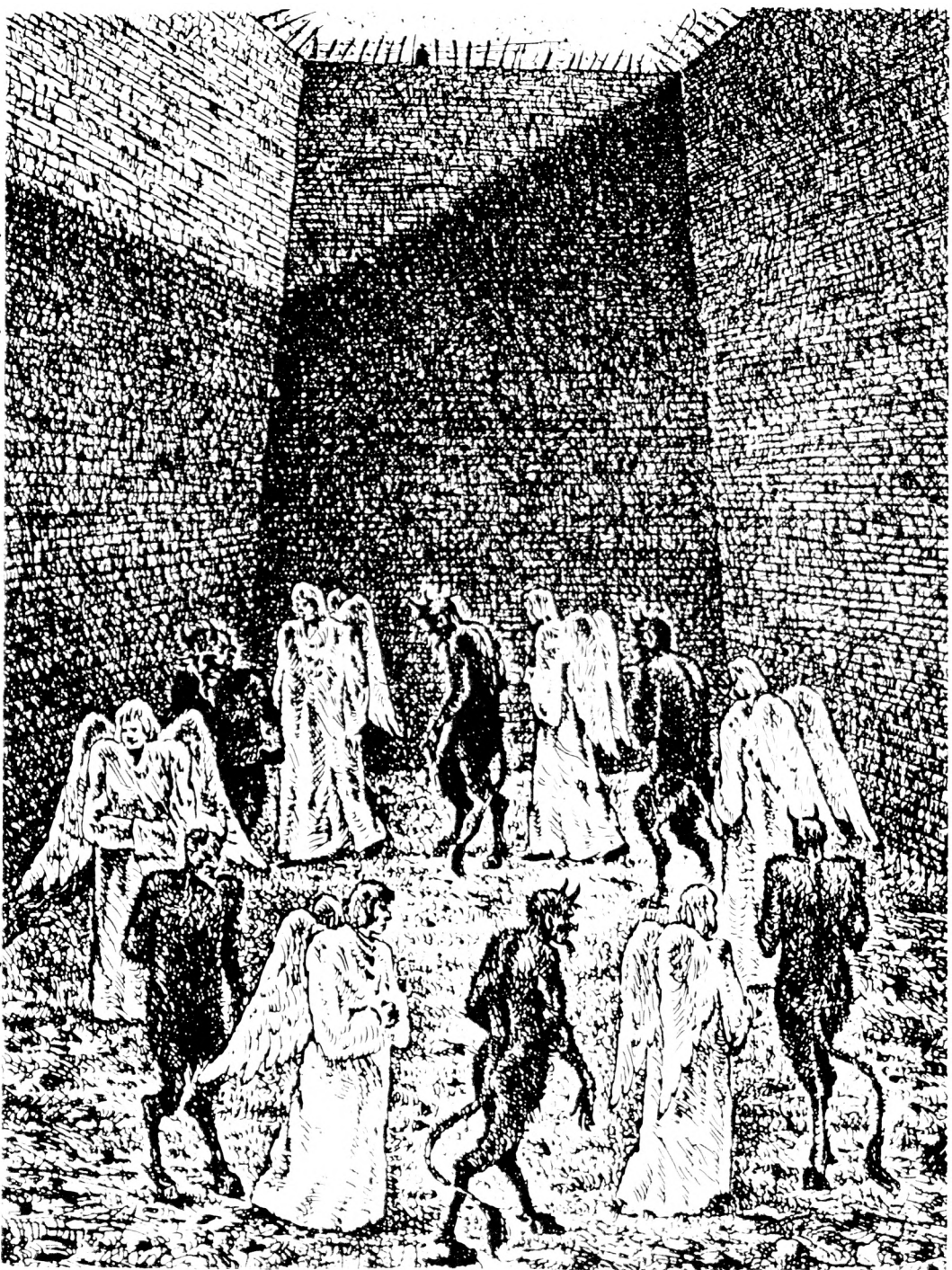
Бюллетень «Век XX и мир» № 10 (на русском языке), ежемесячный.

Напечатано в СССР. Типография изд. АПН. 107005, Москва, ул. Фр. Энгельса, 46.

Сдано в набор 16.08.90. Подписано в печать 12.09.90.

Заказ 1005. Объем 3 п. л.

Отпечатано в типографии № 6. Тираж 217 500 экз.

**ИЗДАЕТСЯ СОВЕТСКИМ КОМИТЕТОМ
ЗАЩИТЫ МИРА**

Основан в 1958 году

**Выходит ежемесячно на русском, английском,
французском, испанском и немецком языках**

Цена 10 коп.

**Главный редактор
А. БЕЛЯЕВ**

BEK XX И МИР

XX CENTURY AND PEACE

LE XXe SIECLE ET LA PAIX

ВЕК XX И МИР

Адрес редакции:
103009, Москва,
ул. Горького, 16/2,
тел. 200-38-07

Индекс 70188

